

КРУГОВОЗОР

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ
НОВОЙ СТРАНЫ

Август — 1991: репортаж с места события
П. Н. Милликов. Редкая архивная запись

Мадрида «Гнесини» в духовой музыке
Эхо XXIV кинофестиваля

Звезды оперы. Лучия Алиберти
В дискотеке — Наташа Гулькина

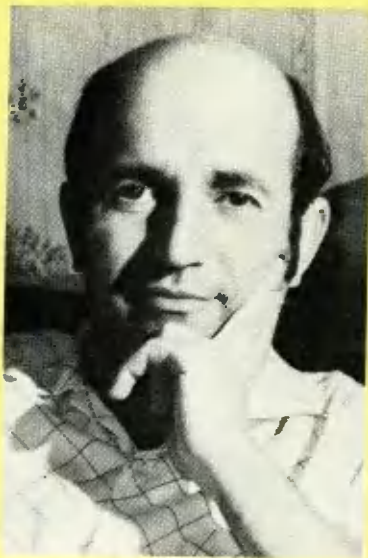
СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Птица счастья Николая Гнатюка
Авторская песня. Михаил Щербаков

«Мекано» — лидер музыкальной Испании
Сестры Бэрри — незабываемый дуэт

Мэрилин Фэйсфул — певица и актриса
Филипп Кириллов и его театр

АНАТОЛИЙ БЕРГЕР

Думая об Анатолии Бергере, невольно вспоминаешь Иосифа Бродского. Оба — из города на Неве. Оба — поэты. Оба десятилетия не имели возможности печататься в родной стране. Оба пострадали за свои стихи. Тут, впрочем, параллели кончаются. Если Бродскому инкриминировали «тунеядство», то Бергера судили именно за стихи. Судили по знаменитой 70-й статье, часть I УК РСФСР. Четыре года лагерей, два года ссылки — с 1969 по 1975 год. В конце восьмидесятых — публикации в журналах и сборниках, реабилитация, выход книги стихов и книги лагерных воспоминаний... Счастливым конец в духе Диккенса? Не думаю.

Собственно, здесь перед нами встает древнейший вопрос вопросов: а что такое счастье? Риску предположить, что поэт, не лишенный головы (а значит, и возможности творить), счастлив всегда. Овидий на берегах Дуная создавал дивные элегии. «Творческие итоги» ссылки Пушкина известны. Несчастливы не поэты, ибо они добровольно взваливают на свои плечи пророческий крест, — несчастно время, теряющее своих пророков. Анатолий Бергер мог бы стать дебютантом 60-х. Но его звезда взойшла на два десятилетия позже. Что ж, за это время она не померкла. Ее горькая и чистая соль светит так же ярко и яростно, так же тихо и проникновенно, преображая боль в свет.

А. ЛАВРИН

■
И есть приметы, как просветы
Сквозь жизни сумрачный навес,
О том, что лучшие поэты
Исходят на землю с небес.

Их странности, поступков небывь
И звезды жаркие в руках
Откроют вдруг: они же с неба,
Они витают в облаках!

И, как бы ни вздыхали жены,
И ни судачили друзья, —
Там, в дальней дали
небосклона,

Их роковая кося!

■
Не расплескать бы лггерную
кружку,
Передавая другу по несчастью,
Пока на вышке пас берут
на мушку.

Собачий клык готов порвать
на части.
Дымится чай или, верней,
заварка;
До воли далеко,
проверка скоро.
И лагерные звезды светят
ярко,
Обламываясь о зубцы забора.

РОССИЯ

В полевых да охотничьих,
Ты прозваниях-прозвищах,
То по-птичьим бормочущих,
То по-волчьему воющих.

То пахнет в них пожарницей,
То военною суготою,
То народным мытарищем,
Властью деспота лютого.

То печалью церковною,
Когда медленный звон плывет,
То долиною ровною —
Поереди нее дуб цветет.

■
Сегодня утром лист пошел —
По всей тайге, куда ни глянешь,
Слетают осени в подол
Медь, золото, багрец, багрянец.

И речка ловит на ходу
И гонит вдаль напропалую
Свою добычу золотую
У всех деревьев на виду.

И под ногами впрямь горит
Земля медлительно и пыльно,
И каждый шепчет говорит
Так явственно,
что всюду слышно.

■
Изнемогая от жары
И в ней барахтаясь,

Провижу и луже я мира —
Как бы оазисы в пустыне.

Разбрызгивая пелесвод
И зыбкую архитектуру,
Я чувствую стихов полет,
Таинственную их фактуру.

Бальзамом ото всех скорбей
Переливается их гамма,
А рядом екает воробей
И пьет из лужи —
той же самой.

■
Говорят обо мне по-латыни,
Точно холод иголкой кольнул,
О, лекарственный дух
поликлиник!
Не триклиния праздничный гул.

Напряженность, болянь, унынье
И, быть может,
судьбы перелом...
Говорят обо мне по-латыни...
Шепчет мертвый язык о живом.

■
А Курагино мое все в снегу,
А Тубя мой недвижна, бела,
Жесткий холод ее взял на бегу
Под уздцы, с тех пор стоит,
замерла.
И заснежен владыке березник,
В нем с коровами не бродит
настух.

Воронье там о каких-то вестях,
Знай, раскаркалось.
летит во весь дух.
А Курагино мое далеко,
Сам не знаю,
доберусь ли когда.
Вспоминать сегодня сладко,
легко.
А былъ ведь это ссылка,
беда...

■
По следу шороха иду
Сквозь дрожь травы
простоволосой,
Из тины ветхой на пруду
Торчит осока криво-косо.

На черном пне присохший лист,
Сквозь мутьность дужи неба
ключья,
И одинокий птичий свист,
Прощальный,
словно многоточье...

■
Опять Медведица горит,
Полнеба закогтив огнисто,
И сонной тишины гранит
Стоит кругом темно и чисто.

Как одинок он —
звездный зверь
В своей пунктирности
подробной!

Попробуй душу раздурь,
Что избежишь судьбы подобной.

Среди вселенской немоты
В ночи недвижной и огромной
Гореть вот так же будешь ты —
Неугасимо и бездомно.

■
Деревянные качели
Раскачались и запыли —
В песне скрежет, дрожь,
Дребезжание тугое,
А еще поддашь ногою —
В небо попадешь.

В этой песне плач
древесный —
Слышен он в ночи безвестной,
В перезвоне дня,
Слышен птице он и зверю,
Если ж я в него поверю,
Страх берет меня.

Потому что плачет дерево,
Но не слышно в плаче гнева,
Слезы лишь слышны
От слепого, рокового,
Ярого и всесового —
От людской вины.

На первой звуковой дорожке мы предлагаем уникальные записи, сделанные на московских баррикадах Юрием Федоровичем Певчевым, которые уже стали документом истории. Впервые вго репортаж был передан по радиостанции «Эхо Москвы» 24 августа — по горячим следам событий. Несколько слов о репертере.

Ю. Ф. Певчев — доцент Московского инженерно-физического института. Он родился в Москве, на Домниково, и, как он говорит, полжизни прожил в Докучаевом перулке.

Из эвакуации мальчиком с мамой шел пешком во фронтную столицу. Потом техникум, армия, учеба, туризм, альпинизм, МИФИ, наука, увлечению фотографией, наконец, звукозаписью. Сын Алеша — военнотруженик, жена Наталья Ефимовна работает референтом. Вот конспективно портрет человека, который с диктофоном в руках вышел на улицы своего города в решающие августовские дни и ночи 1991 года.

Улеглись тревоги переворота, постепенно все остывают от победной эйфории, но долго еще мы снова и снова будем переживать памятные события грозных дней.

Вечером 19 августа в центре столицы, несмотря на запреты, шел митинг на Манежной площади. Вверх по Тверской двигались группы людей с плакатами и призывами: «Россия! Ельцин! Свобода!»

Вереницы танков на площади и забытый бронсмашинами проезд Художественного театра можно было принять за второе действие опереточного спектакля в постановке все тех же зарвавшихся политиканов. Первое действие народу показали в марте этого года на этих же улицах. Да, это было не ново. Но не покидало чувство гнетущей тревоги и яростного протеста. Опять нас швыряют в липкую трясиину диктатуры, и снова надо бороться за свое достоинство, за свободу.

Днем 20 августа у здания парламента России состоялся грандиозный, многотысячный митинг, на котором стало окончательно ясно, что без активного сопротивления мракобесам нам не выжить. Около 17 часов, услышав при-

В ТУ ТРЕВОЖНУЮ АВГУСТОВСКУЮ НОЧЬ...

Фото А. ЧЕПАКИНА, Л. ЛАЗАРЕВА

звы по радио «Эхо Москвы», я стал пробираться на машине к «Белому дому» на набережной под запрещающие дорожные знаки, уже появившиеся в районе Красной Пресни. Странно, но меня никто не останавливал и не преследовал. У парламента уже собралось множество людей, готовых защищать его. Формировались отряды обороны, санитарные службы.

Ближе к полуночи я перебрался через баррикады возле здания бывшего СЭВ, которые интенсивно продолжали укреплять бетонными плитами, и оказался вблизи Садового кольца. В кармане у меня лежал микрокассетный магнитофон фирмы «Олимпус» простейшей модели С-906, который я часто использую как записную книжку. Все, что произошло затем, вы услышите на звуковой дорожке.

Опять и опять прослушивая запись, я вновь возвращаюсь к драматическим событиям той ночи. Нет, мы не провоцировали военных, мы их убеждали, уговаривали, просили, женщины умоляли их остановиться. Разве перед солдатами был враг? Вслушайтесь, что им, надрываясь, кричит женщина: «Не стреляйте! Не стреляйте в людей! Я прошу вас! Кого вы защищаете?» Слушайте, солдаты, это к вам в отчаянии взывает ваш сверстник: «Ребята! Что вы делаете?! Мы же братья ваши!»

Я снова и снова прокручивал свою запись схватки на Садовом кольце и, правда, с трудом, но различал слова: «Смотри, я же без оружия, не бойся меня!...» Но ведь эти же последние в своей жизни слова упрямно выкрикивал в мегафон Илья Кричевский. Так, может быть, это именно его голос, обращенный к вам, солдаты, отпечатался на пленке. Это тебе, офицер, застреливший парня, который пытался образумить вас и остановить, скандируют перед тобой безоружные люди: «У-бийца! У-бийца!»

Погибли трое. И только после этого были бутылки с бензином, горящие бронемашины. Не мирные москвичи развязали бой. Нет, никого не может оправдать удобная формула «мы выполняли приказ». Приказ был преступным, ибо боевые машины в мирное время на улицах мирных городов — это всегда опасно и преступно. Последний приказ отдает себе сам солдат. И каков он будет — зависит от работы его ума и совести.

Парни! Те, которые служат, и те, которым еще предстоит стать солдатами! Слушайте! Слушайте и думайте! Думайте всегда, ибо иного пути стать цивилизованными людьми нет!

Ю. ПЕВЧЕВ

НА ПОРОГЕ НОВОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

По-разному мы, люди старшего поколения, думали о них: то с грустью, то с раздражением или недоумением, то с тревогой, а часто и с доброй улыбкой, ибо молодость — это всегда прекрасно. Теперь, после событий в августе, в которых наши дети, к удивлению многих, сыграли едва ли не решающую роль в победе демократии, настала пора более серьезных размышлений об их нравственности.

Как-то трудно представить, что всего шесть лет назад, когда М. Горбачев, образно говоря, открыл шлюзы для мощного потока демократии, им было лет по двенадцать—четырнадцать: как раз в этом возрасте в умах начинают зарождаться первые представления о законах реальной жизни людей. И они увидели, как ручейки гласности постепенно смывают

Фото А АБРАШИТОВА
В ЖАРОВА
О ИВАНОВА

ННОСТИ

С течением времени становятся все более очевидным, что августовские события по своим глобальным последствиям сопоставимы с самыми масштабными социальными потрясениями, когда-либо влиявшими на умы и сердца людей. Наш гость — главный редактор журнала «Юность», поэт Андрей Деметьев — пытается найти некоторые ответы на «вечные» вопросы о поколении молодых.

пласты тотального презрения к человеческой личности, к ее достоинству и нуждам. И в их сознании естественным образом зарождался вкус к свободе. Свою струю в очищающий поток демократии еще задолго до перестройки стали вносить литература и искусство, в том числе и наш журнал. В последние годы мы вместе с другими изданиями возвращали в страну еще недавно запрещенные произведения арестованных, сосланных, изгнанных или добровольно покинувших Родину творцов. Ведь в них, рожденных в невероятно трудных условиях, читалась истинная правда о нашем обществе. И наши мальчишки и девочки впитывали ее со светом справедливости, который и повел их в августе на баррикады у «Белого дома».

Приведу только один пример. Когда года полтора назад Василий Аксенов ехал в Казань к своему отцу, толпы молодежи встречали его на станциях с плакатами: «Здравствуй, Вася! Привет!» Он остался для них Васей, хотя начал в литературе для предыдущего поколения. Но его приняли и сегодняшние молодые, ибо он остался прежде всего самим собой, независимым от обстоятельств.

Журнал «Юность» в свое время впервые начал раскрывать правду о бюрократии в комсомоле. Повесть Юрия Полякова «ЧП районного масштаба» произвела эффект разорвавшейся бомбы. Не меньше грохота и шума вызвало и проникновение Юрия Полякова в запретную тему «Дедовщина в армии». Чего стоил один только факт: за пять лет в Советской Армии на «мирной» службе погибло около 15 тысяч человек — столько же, сколько в жесточайшей афганской войне! Можно себе представить, каких невероятных трудностей стоили нам подобные публикации. Но они расходились миллионными тиражами под обложками «Юности», «Знамени», «Огонька», на страницах «Московских новостей» и других изданий и формировали сознание сегодняшних молодых иначе, чем у нас в годы нашей юности. Быть может, поэтому они и стали другими, поэтому помогли и страну, в которую М. Горбачев вернулся из Фороса, сделать другой, по его собственному выражению.

Моему сыну двадцать один год, обе дочери немного постарше. Через них я видел, как разочаровывалась нынешняя молодежь в лозунгах, которые мы несли по жизни на сучковатых палках своих иллюзий. Лозунговые слова покрывали коростой наши души, и они принялись ее разрушать, высмеивать вдолбленные с детских лет в наши мозги ложные идеалы и при этом, конечно, часто впадали в свойственный молодости жестокий нигилизм и нетерпимость, порождая тем но-

вые страсти вокруг «вечной» проблемы «отцов и детей».

Что ж, они стали другими, придается и нам с трудом перелопачивать многолетний груз привычных представлений. Теперь многие мои сверстники, наверное, несколько иначе будут относиться, скажем, к року, рваные ритмы которого пришли на баррикады, еще не остывшие от горячего возбуждения и решимости стоять до конца в ожидании вполне реальной смерти под танком или от пули.

Как не подумать тут и о той боли, которая терзала сердца парней, оказавшихся в дни путча в силу неизбежного стечения обстоятельств за зеленой броней стальных машин, предназначенных для убийства! Что они чувствовали, когда увидели в прорези прицелов молодых и пожилых женщин, еще вчера покорно стоявших в безнадёжных очередях, а сегодня несущих на танки только что нарисованный плакат «Не стреляйте в ваших матерей!»? Не хочу, не могу верить, что могли найтись среди них такие, которые способны были выполнить чудовищный приказ и нажать на спусковой крючок!

Как задавить в себе проклятого червя сомнения! Мы ведь уже не столь наивны, чтобы считать тоталитаризм навеки похороненным в нашей несурзадной стране. Он еще долго будет ослупывать сознание миллионов из нас, мешая думать и принимать трудные решения самостоятельно. Всем нам придется проходить боевой курс обучения жить в условиях неожиданно явившейся свободы, курс обучения мыслить ее раскованными категориями. Нам, надо полагать, будет труднее, молодым — легче. Быть может, в этом направлении и следует искать «колумбово» решение проблемы «отцов и детей» — в уважительном взаимном обучении премудростям неисчерпаемой в своем многообразии и непредсказуемости жизни? Почему многие взрослые «премудрости» недоступны пониманию юного сознания, кажется, ясно представляют себе все. Но все ли взрослые пытаются честно объяснить себе, почему их пониманию часто бывают недоступны чаяния и спонтанные порывы молодости?

В любом возрасте есть кто-то моложе тебя. Мне лично не о чем жалеть в моем отношении к младшим. С первых своих стихов и книжек я пытался видеть в человеке человека. Даже в ребенке уже есть маленький человечек, и от нас зависит, каким он вырастет. И в то же время не всегда от нас зависит, каким он вырастет, — такова диалектика жизни.

Мы шили нашим детям нравственные одежды, которые казались нам самыми удобными. Но обнарижилось, что они сшиты не по воз-

расту. Наши дети их сбросили и стали носить свои. А на смену им уже совсем скоро придут те, кто отмечает сейчас двенадцатый или четырнадцатый год рождения и кто впитывает в себя сегодняшний опыт. И они будут лучше, чище, честнее — мне так хочется в это верить! Об этом процессе не ведали заговорщики, они не могли узреть рождение нового человека, потому и не могли победить.

В своем первом в дни путча выступлении по радио я сказал, что нас невозможно на танках увезти в прошлое, мы пойдем пешком, но в будущее, даже сбивая ноги, но только в будущее. Пусть оно не обещает ничего хорошего, по крайней мере в ближайшие месяцы. Тех, кому еще недавно пришлось мучительно расстаться со старыми иллюзиями, новыми не соблазнишь. Розовая дымка первоначальной зифории после провала путча давно рассеялась и обнажила фатальную угрозу экономического и политического хаоса, а с ним — возможность реакционного поворота в сознании людей и в событиях.

Многочисленные статистические опросы показывают, что существует мощный социальный слой, в недрах которого вызревает хорошо известное стремление привести к власти «твердую руку». Нельзя закрывать глаза и на то, что есть в этом слое немало молодых душ, взращенных в худших традициях командно-административной парткратической системы.

Можно, конечно, поддаться соблазну философского обобщения неизменной борьбы сил добра и зла в обществе, но сегодня не время философствовать, а время работать для сохранения того, что завоевано. Тем более что большинство людей всех возрастов и жизненных позиций уже вполне осознали, что дни переворота стали лишь началом масштабной исторической драмы, окончательная развязка которой еще далеко впереди.

Мало кто рискнет предвидеть, особенно в журнальной публикации, как будут развиваться события, которые на наших глазах «подталкивают» ход истории то в одну сторону, то в другую каждый день и даже каждый час. История, однако, неизбежно движется вперед по своим собственным законам. Но, что бы ни случилось со страной, мы снова и снова будем возвращаться к августовским событиям, ставшим точкой отсчета новой для нашего общества нравственности, независимо от того, в рамках каких национальных границ и суверенитетов проживают люди, которых эти события не оставили равнодушными.

Андрей ДЕМЕТЬЕВ

Мы настолько привыкли к несбыточным обещаниям и лопающимся проектам, что трудно было поверить в реальность продолжения тех фантастических оперных вечеров 1989 года в Москве. Но вот как будто желания начали сбываться, и первая ласточка к нам прилетела снова — Лючия Алиберти.

Замечательная певица! Лирико-драматическое сопрано, в котором найдена золотая середина между виртуозностью и экспрессией. Ни на секунду техника не становится самоцелью — все подчинено раскрытию характера персонажа. Надо сказать, что и сама Алиберти обладает мощным артистическим характером. Без сильной воли была бы немислима такая бурная сценическо-концертная деятельность, которую Лючия повела сразу, с самого своего дебюта в июне 1979 года в Сполето, куда она была приглашена одним из крупнейших композиторов современности — Джанкарло Менотти на «Фестиваль двух миров». Там она спела заглавную партию Амины в «Сомнамбуле» Беллини. Не прошло и двух лет, как она появилась на священных подмостках «Ла Скала» в партии Ноннетты в «Фальстафе» Верди.

И дальше как из рога изобилия в исполнении Алиберти «посыпались» золотые роли мирового сопранового репертуара: Виолетта и Джилльда соответственно в «Травиате» и «Риголетто» Верди, Лючия в «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, Норма в одноименной опере Беллини и так далее — все ее партии перечислить невозможно. Причем каждую из них она пела и поет на сценах лучших оперных театров мира. А аккомпанируют ей такие блестящие дирижеры, как Гаваццини, Аббадо, Бодо, Патерностро.

Хотелось бы заметить, что стремительный взлет Алиберти произошел очень рано, ведь порой на рубеже 25 лет певцы не выходят еще за пределы вокального класса.

Конечно, случайности в мире искусств редки — Алиберти родилась и выросла на Сицилии, в Мессине, в семье, где музыка была культом. Дедушка играл на скрипке, у бабушки был прекрасный голос, сама Лючия готовилась быть пианисткой, но певческий дар взял свое.

Вот с какой артисткой во второй раз встретилась публика московского Большого театра. Наш же оркестр встретился с Алиберти впервые. Правда, наш опыт не так уж мал, и мы были спокойны. Но действительность наша скучать не дает. Начать с того, что в Союзе не оказалось нот — оркестровых партий опер Беллини, Доницетти, да и Россини тоже (кроме «Севильского цирюльника»), ведь они у нас не ставятся. Их нет и в библиотеке Большого театра. И, как на беду, один из спонсоров концерта — юго-

Осенью 1989 года в Москве, в Большом театре, прошли два уникальных концерта лучших оперных певцов мира во главе с Монсеррат Кабалье и Хосе Каррерасом.

Среди звезд, приехавших к нам в 1989 году, была и молодая итальянская оперная певица Лючия Алиберти, поразившая аудиторию свежестью и гибкостью голоса, виртуозной техникой. Получилось так, что именно Алиберти явилась первой продолжательницей концертов 1989 года, приехав в Москву летом нынешнего года с громадной программой (Беллини, Доницетти, Россини, Верди, Пуччини), впрочем, характерной для нее. — репертуар Алиберти поистине необъятен. Аккомпанировал певице Государственный Малый симфонический оркестр СССР, которым руководил Владимир Понькин. Нам показалось интересным выслушать мнение дирижера о концерте и о вокалистке.

МАСТЕРА ИСКУССТВА

На плато звуковой дорожке слушайте
арию Леоноры из оперы Верди «Сила судьбы» в исполнении Лючии Алиберти и Государственного Малого симфонического оркестра СССР под управлением Владимира Понькина.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

ПОСОЛ БЕЛЬКАНТО

славская фирма — не позаботился о доставке нот в Москву. Никакие крики о помощи не помогли, югославы не реагировали, до концерта оставалось каких-нибудь полтора дня, когда Алиберти появилась за кулисами ГАБТа.

Я недаром обмолвился насчет характера Лючии. Конечно, она пришла в ярость. Она так разносила югослава, что мне было жалко на него смотреть. Пошли негодующие звонки, и тут же фирма «Рикорди» в один день доставила в Москву все, что нужно. Тяжелые коробки с нотами художника Алиберти помогала нести сама, чтобы, не дай Бог, они куда-нибудь не запропастились.

Казалось бы, все хорошо, что хорошо кончается. Но драгоценное время, отведенное для репетиций, было упущено. И мы с Алиберти смогли провести их всего две: одну — под рояль — со мной, вторую — черновую — с оркестром. И все. Генеральной не было! Хотя этот огромный концерт (по существу, он длился три отделения — столько было «бисов») с певицей такого класса должен проводиться минимум с трех репетиций, одна из коих должна быть генеральной. Тут же все металось, как говорится, на живую нитку. Нервничала артистка, нервничали мы. То ей казалось, что оркестр звучит несколько тише, чем этого требует ее сильный голос, то она боялась, что мы не учтем всех повторов и купюр, ею намеченных. Причем некоторые оттенки она меняла на ходу. Я, естественно, ее успокаивал: «Лючия, не волнуйтесь, все будет в порядке, скажите, что вы хотите, — мы сделаем все как надо...» И мы действительно постарались выполнить все замечания, музыканты играли с огромным подъемом, концерт прошел с успехом, певцом вызывали несчетное число раз. Увертюры, исполненные оркестром, как мне кажется, были сыграны с блеском, легко.

Что бы мне хотелось сказать «под занавес»?

Спасибо Лючии Алиберти — она подарила москвичам прекрасный вечер, проявила энергию, ответственность, она была настоящим «послом бельканто» в Большом театре. Но и организация таких концертов, столь нужных нашей культуре и столь важных для нее, также должна быть на уровне бельканто. ■

Владимир ПОНЬКИН,
художественный руководитель
и главный дирижер
Государственного Малого
симфонического
оркестра СССР

Песни Михаила Щербакова расходятся по всей стране только на кассетах, неизвестно где, кем и когда записанных. По поводу неординарного отношения автора к очевидному росту их популярности можно лишь строить догадки. Но факт налицо: Михаил Щербаков на все вопросы журналистов о себе отвечать принципиально отказывается, интервью не дает, на телеэкране не появляется, его пластичный баритон не звучит по радио, и концерты он дает редко и как-то «втихомолку». Поэтому для его представления понадобится всего несколько слов: двадцать восемь лет, по образованию филолог, по профессии сочинитель.

Первые песни Щербакова появились в самом начале восьмидесятых и сразу покорили многих любителей жанра — не столько новизной и оригинальностью тем сколько своеобразием языка. Впрочем, мне кажется, что понятие «тема» в поэзии довольно спорно, ибо попытка загнать уже созданное поэтом в какие-то «тематические рамки» может ограничить и упростить, а стало быть, и исказить смысл написанного.

Основными поводами для размышлений песенного героя Щербакова становятся категории высокие. Поиски смысла жизни — болезненные, мучительные, часто заходящие в тупик, который оборачивается окончанием жизни. Война, кровь, насилие, когда «за громом пушек не слышна чужая правота...» Любовь, возникающая, как правило, «законам любим вопреки». Она либо недостижима, ибо адресована идеалу («И все лишь оттого, что вряд ли во Вселенной для оды в честь твою есть должный слог и тон. И будь я хоть Гомер — ты лучше, чем Елена. И будь я хоть Шекспир — ты краше Дездемон»), либо раздавлена фатальными обстоятельствами. А иногда она «незаконна» и не укладывается в нормы общепринятой морали. И предмет любви — женщина, либо достойная самых возвышенных чувств (и тогда герой Щербакова — коленопреклоненный мальчишка, с обожанием на нее взирающий), либо это женщина-рок (и тогда сближение с ней грозит роковой гибелью).

Размышления о жизни, о войне, о любви неразделимы в стихах Щербакова, и объединяет их нередко печальный итог — смерть,

конец метаниям, конец всему. Боль и страх, надежда и отчаяние его героя — вне времени, вне конкретных обстоятельств, вне всего, что его окружает. Они болезненно интимны, они — в душе автора и в каждом из нас, ибо порождены самой человеческой природой.

*А где-то позади, за далью
и за пылью,*

Остался край чудес.

*Там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку
сделать былью.*

*Так человек решил. Да, видно,
поспешил.*

*И сказку выбрал он с печальною
развязкой,*

*И призрачное зло в реальность
обратил.*

*Теперь бы эту быль обратно
сделать сказкой,
Да слишком много дел и слишком
мало сил.*

*А мы все мчимся вдаль,
печаль превозмогая,
Как будто ничего еще не решено,
Как будто век прожив
и все-таки не зная,*

*Что истина, что нет, что свято,
что грешно.
И бесконечен путь,
и далека расплата.
Уходит прочь недуг,
приходит забытья.
И для меня теперь так истинно,
так свято
Чуть слышное в ночи дыхание
твое.*

Первые песни Щербакова могли не блистать отточенностью формы, но они были монолитны и запомнились слушателями целиком, а не отдельной метафорой; их легко было петь сразу и трудно цитировать фразами. С годами слог его становится все более изощренным, рифмы — более сложными. Поэтому, вероятно, и у мелодий исчезает чеканная, строгая ритмичность. Бытовая конкретность сюжета уступает место символике, метафизике, мифологии... Погружаешься в эту зыбкую текучесть — так бы и плыл себе, не спеша, и вдруг неожиданный поворот авторской мысли, заключенный в пару изящных строк, вдребезги разносит твоё умиротворение, и ты долго еще бубнишь про себя эти строчки. Строчки про тебя самого.

Совершенно очевидно, что процесс формирования творческой индивидуальности Михаила Щербакова еще не закончен. Дальнейшее покажет время: либо он уже сумел достичь высот немалых, но чисто филологических, «технических», формальных и далее ничем, кроме изящности словес, выделиться будет не в состоянии, либо его путь — «до горного утеса, до высшего класса». Наверное, не случайно героя одной его недавней песни охватывает тревога:

*Среди пустыни, бранной
и угарной,*

*Неровный, зыбкий, как песок
в горсти,*

*Спасется ли мой слог
высокопарный?*

*Прервется ли мой шаг
партикулярный —*

*И горизонт,
не перпендикулярный.*

*Но параллельный моему пути? ■
Владимир МАРТЫНОВ*

СПАСЕТСЯ ЛИ МОЙ СЛОГ ВЫСОКОПАРНЫЙ?

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

На восьмой звуковой дорожке — песни М. Щербакова «Я исполняю все...», «Пустые бочки вином наполни...» и «Прощание славянки» в авторском исполнении. Фото А. ЕФРЕМОВА

«Придет время, и наш отдаленный потомок напишет sine ira et studio (без гнева и пристрастия) историю нашей бурной и страшной эпохи. И в этой будущей книге П. Н. Милюкову будет отведено немалое количество страниц, исполненных захватывающего содержания».

А. Кизеветтер,
историк, 1929 г.

Он родился в январе 1859 года в интеллигентной московской семье. По складу ума и душевному настрою ему суждено было стать гуманитарием. Узнавая подробности его политической деятельности, полной драматических коллизий, как-то не сразу веришь, что с детских лет и до глу-

бокой старости его личная жизнь была окрашена любовью к поэзии и музыке. Он профессионально исполнял партии скрипки и альты для квартетов.

Еще обучаясь на филологическом факультете Московского университета, П. Милюков увлекся российской историей. И сразу его научные изыскания поставили его имя в ряд неординарных историков. Но судьбе было угодно наделить П. Милюкова еще и той неразгаданной пока совокупностью качеств и талантов, из которых рождаются великопепные политики.

С юных лет он испытывал интерес к закономерностям общественного и государственного устройства, посвящая этой теме немало научных трудов и статей. Убеждения его начали формироваться еще в гимназии, а продолжали укрепляться в студенческом движении. После чтения лекции «Об общественных движениях в России» в Нижнем Новгороде П. Милюкова взяли на заметку, затем последовали исключение из университета и трехгодичная ссылка в захолустную Рязань. За участие в собрании, посвященном памяти идеолога анархизма П. Л. Лаврова, он был приговорен к шести месяцам тюрьмы.

Нам, нынешним «отдаленным потомкам», сквозь темную мглу тоталитарных десятилетий порою видятся странными политические нравы того времени, поступки людей. После приговора суда Милюкову, например, была дана отсрочка... для поездки в Англию с целью совершенствования языка. Вернувшись, он отправился в зна-

ступных формах продолжал бороться за осуществление своих идей.

А идеи его были ориентированы на либеральное движение 90-х годов, рупором которого являлся нелегальный буржуазный журнал «Освобождение». В своих статьях он призывал создавать кадры убежденных конституционалистов и готовиться к созданию политической либеральной партии. Лето 1905 года прошло в напряженной агитационной работе. «Я мирил конституцию с революцией, — писал он, — видя в сближении обеих единственный шанс политической победы».

Учредительный съезд выпестованной Милюковым партии конституционных демократов (кадетов) состоялся в октябре 1905 года. Во вступительном обращении к съезду он подчеркнул, что конституционно-демократическое движение приобрело самостоятельное значение и отмежевалось от правых и левых сил, от «узкоклассовых» интересов помещиков и капиталистов и от «число классово-дктрины пролетариата». Свою партию Милюков объявил внеклассовой продолжательницей «интеллигентских традиций».

Деятельность Милюкова в Государственных Думах России заслуживает написания не одной книги, она составила эпоху не только в его собственной жизни, но и в жизни всей России. В период после подавления первой русской революции, когда самодержавие набирало силу, партия Милюкова осуществляла и поддерживала тактику «средней линии». Полити-

ческое credo кадетов состояло в том, чтобы с учетом реального баланса правых и левых сил сохранить парламентаризм. Естественно, что на этом пути приходилось прибегать к сложным политическим комбинациям, каковые всегда сопровождают политическую борьбу. Однако при всех видимых и действительных противоречиях Милюкова он сохранял последовательность и верность своей основной идее — идее сохранения русского парламентаризма.

О характере политической борьбы тех лет можно судить по деятельности III Государственной Думы, в которой кадеты стали объектом яростной атаки со стороны приверженцев государственной власти. Пуришкевич, в частности, заявил, что кадеты — самый опасный элемент, поскольку они умные и политически образованные люди. На заседаниях Милюкову устраивали обструкции, осыпали оскорбительными репликами, но лидер кадетов упорно продолжал курс на

«Мы считаем, что государство наиболее крепко тогда, когда национальное сознание становится единым». Можно только пожалеть, что целым поколениям политиков так и не удалось превратить в реально действующий принцип эту мысль лидера кадетской

П. Н. МИЛЮКОВ: «ЖИЗНЬ СЛОЖНЕЕ РАС

партии П. Н. Милюкова, высказанную им в III Государственной Думе более восьмидесяти лет назад. Сегодня вы имеете возможность услышать уникальную запись, предоставленную редакции «Кругозора» Государственным архивом звукозаписей СССР. На второй звуковой дорожке слушайте фрагмент речи П. Н. Милюкова и комментарий к нему доктора исторических наук М. Г. Вандалковской.

сохранение контактов с властью, необходимых для ведения парламентской работы в рамках государственности.

Почувствовав наступление на законодательные права IV Думы, он обратился к правительству с предостережением: «Чего вы ждете? Вы хотите кончить тем, что требования демократии станут живее, сильнее, настойчивее и опять, после периода успокоения, явятся на сцену насильственные формы, насильственные приемы, средства борьбы? И вот тогда вы будете думать... что пора успокаивать, что нужно для «успокоения» и «спасения коровы» прийти к этому последнему средству».

В стенографический отчет заседания включена ремарка, сделанная после окончания этой речи: «Справа сильный шум и голоса: «О чем он говорит? Вон!» Алексеев: «Гнать его!» Слева рукоплескания и голоса: «Просим!» Председатель: «Член Государственной Думы Милюков, лишаю вас слова! Объявляю перерыв». Что-то весьма схожее нам совсем недавно частенько приходилось наблюдать на телеэкранах, не правда ли?

Во Временном правительстве Милюков некоторое время занимал пост министра иностранных дел.

В июле 1917 года на IX съезде кадетов Милюков сформулировал основную позицию партии: «Или Советы, или Россия». Кадеты были за создание карательных отрядов, введение смертной казни на фронте, настаивали на применении жесточайших мер по отношению к большевикам. Октябрьскую революцию Милюков, разумеется, вос-

сохранение контактов с властью, необходимых для ведения парламентской работы в рамках государственности.

Почувствовав наступление на законодательные права IV Думы, он обратился к правительству с предостережением: «Чего вы ждете? Вы хотите кончить тем, что требования демократии станут живее, сильнее, настойчивее и опять, после периода успокоения, явятся на сцену насильственные формы, насильственные приемы, средства борьбы? И вот тогда вы будете думать... что пора успокаивать, что нужно для «успокоения» и «спасения коровы» прийти к этому последнему средству».

В стенографический отчет заседания включена ремарка, сделанная после окончания этой речи: «Справа сильный шум и голоса: «О чем он говорит? Вон!» Алексеев: «Гнать его!» Слева рукоплескания и голоса: «Просим!» Председатель: «Член Государственной Думы Милюков, лишаю вас слова! Объявляю перерыв». Что-то весьма схожее нам совсем недавно частенько приходилось наблюдать на телеэкранах, не правда ли?

Во Временном правительстве Милюков некоторое время занимал пост министра иностранных дел.

В июле 1917 года на IX съезде кадетов Милюков сформулировал основную позицию партии: «Или Советы, или Россия». Кадеты были за создание карательных отрядов, введение смертной казни на фронте, настаивали на применении жесточайших мер по отношению к большевикам. Октябрьскую революцию Милюков, разумеется, вос-

сохранение контактов с властью, необходимых для ведения парламентской работы в рамках государственности.

Почувствовав наступление на законодательные права IV Думы, он обратился к правительству с предостережением: «Чего вы ждете? Вы хотите кончить тем, что требования демократии станут живее, сильнее, настойчивее и опять, после периода успокоения, явятся на сцену насильственные формы, насильственные приемы, средства борьбы? И вот тогда вы будете думать... что пора успокаивать, что нужно для «успокоения» и «спасения коровы» прийти к этому последнему средству».

В стенографический отчет заседания включена ремарка, сделанная после окончания этой речи: «Справа сильный шум и голоса: «О чем он говорит? Вон!» Алексеев: «Гнать его!» Слева рукоплескания и голоса: «Просим!» Председатель: «Член Государственной Думы Милюков, лишаю вас слова! Объявляю перерыв». Что-то весьма схожее нам совсем недавно частенько приходилось наблюдать на телеэкранах, не правда ли?

Во Временном правительстве Милюков некоторое время занимал пост министра иностранных дел.

В июле 1917 года на IX съезде кадетов Милюков сформулировал основную позицию партии: «Или Советы, или Россия». Кадеты были за создание карательных отрядов, введение смертной казни на фронте, настаивали на применении жесточайших мер по отношению к большевикам. Октябрьскую революцию Милюков, разумеется, вос-

2

принял враждебно и уже в эмиграции продолжал борьбу с Советской властью, никогда, впрочем, не теряя чувства реализма.

Эмигрант Д. И. Мейснер так вспоминал первое выступление Милюкова в Праге в начале 20-х годов: «Тысячи полторы человек напряженно, многие с явным недоброжелательством всматриваются в стоящего на трибуне спокойного седого румяного старика с быстрым и острым взглядом умных и немного насмешливых голубых глаз, с любезной и вместе с тем скептической, как бы дипломатической улыбкой на губах, с уверенной, нарочито холодной речью и молниеносными репликами...»

«Я не знаю, — заявил тогда Милюков, — вернетесь ли вы когда-либо на родину или уже никогда не вернетесь. Но я знаю, что если вы вернетесь, то вы никогда этого не сделаете на белом коне». Он оставался все тем же реальным политиком и прагматиком. Возраст не влиял на особенности его лично-

сти — способность широко и объемно мыслить, видеть разные стороны явления, улавливать возможность компромиссов и подвергать точному анализу любую ситуацию. В эмиграции благодаря этим качествам Милюков снискал широкий и заслуженный авторитет.

4 марта 1929 года в Париже отмечалось 70-летие лидера русского конституционализма. На чествование съехались тысячи русских эмигрантов, послы многих стран. Поздравительные телеграммы были получены от английского, французского и болгарского парламентов, от Колумбийского, Гарвардского, Стенфордского и Калифорнийского университетов, из Кембриджа, личные поздравления прислали Куприн и Бунин. Русская эмиграция и европейская демократия отмечали юбилей крупного деятеля русского освободительного движения, парламентария, политика, публициста, ученого.

А в будни, в часы досуга, он совершал прогулки по набережной Сены,

иногда в развалах у букинистов, иногда его видели за шахматной доской. В Париже он жил в старом, заброшенном доме, где почти все его комнаты были сплошь заставлены полками с книгами. И, конечно, как всегда, многие часы отдавал игре на любимых инструментах — скрипке и альте. О чем думал этот незаурядный ум в такие часы, какие воспоминания посещали его память?

Нам не дано узнать, какие чувства тревожили сердце стареющего Милюкова, но в одном можно не сомневаться: все годы, прожитые вдали от Родины, он постоянно думал о России. В 1938 году, тяжело переживая раздел Чехословакии по Мюнхенскому соглашению, он предсказывал скорое начало войны. В советско-финляндской войне занял сторону СССР. «Мне жаль финнов, — говорил он, — но я за Выборгскую губернию». С началом Великой Отечественной стал внимательно следить за победами Красной Армии, желал

ЧЕТОВ САМОГО МУДРОГО ПОЛИТИКА»

разгрома фашистской Германии.

«Самыми важными часами дня, — вспоминал один из очевидцев, — были те, когда он, прильнув ухом к настольному радио, ловил шепот швейцарских и лондонских передач. Высадка союзников в Африке, отступление немцев с Волги были, впрочем, его последней радостью...»

На закате лет Милюков начал писать свои «Воспоминания», но завершить их не успел: смерть настигла его 31 марта 1943 года в возрасте 84 лет.

Жизненный итог П. Н. Милюкова в политической борьбе — это итог русского конституционализма, который в России потерпел поражение. «Жизнь сложнее расчетов самого мудрого политика, — признавал Милюков, — она дала не то решение головоломной задачи, к которому стремились мы все...»

Но мы, «отдаленные потомки», сегодня стали лучше понимать, что не все, что терпит поражение, проходит бесследно и не дает результатов. Приобретенный опыт всегда служит источником новых идей, новых теорий и предостерегает от новых потерь. В этом — историческое оправдание неудач и поражений. Главное — уметь прислушаться к прошлому и уметь использовать все ценное, что накоплено временем.

М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ,
доктор исторических наук

П. Н. Милюков.
Март—апрель 1917 г.

Николай Гнатюк. При упоминании этого имени чаще всего в памяти возникает звуковой образ песни «Малиновый звон», а затем и ее исполнителя — скромного человека с неброской внешностью. Артиста, который в своих выступлениях не делает ставки на световые эффекты и мощные децибелы, а просто дарит слушателю красоту своего голоса, обращаясь к его сердцу, к лучшим его чувствам.

Жизнь и сцена для Николая Гнатюка не разные ипостаси его существования: в песнях как бы выпевается его жизнь, и по ним можно читать его судьбу.

Заметили в нашей стране его по-настоящему, когда он стал победителем в двух международных конкурсах: Гран-при на конкурсе эстрадной песни в Дрездене и 1-я премия в Сопоте. Это соответственно 79-й и 80-й годы.

Дрезденский конкурс имел свою специфику: там звучала немецкая песня на немецком языке. Впрочем, и это ведь было отражением немаловажного периода жизни Николая Гнатюка. Он проходил в Дрездене армейскую службу.

КОГДА ПРИЛЕТАЕТ ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Изучил язык, обычаи и, как человек эмоциональный, почувствовал и впитал в себя дух этого народа через песни, живопись, архитектуру. Уважение к культуре немецкого народа, бережное отношение к немецкой песне, наверное, в немалой степени способствовали его победе там.

На следующий год Николай выступает на конкурсе в Сопоте. Не хочется в который раз говорить обо всех трудностях, связанных с возможностями советских артистов участвовать в международных конкурсах. Это путь, состоящий из мучительного преодоления препятствий, как правило, искусственных.

Я остановлю ваше внимание лишь на моменте творческом. На том, как родилась песня, которая принесла известность Николаю. Вспомните: наверное, вы заметили Гнатюка, именно когда зазвучала его песня «Танец на барабане». И тут хотелось бы обратиться к магнитофонной записи нашей беседы с ним. Причем кажется ценными не только слова, но и интонации, и недосказанности. Ведь они способны высветить и какие-то черточки характера.

— Когда мне сказали: «На вас пришла заявка из Сопота», — я не ответил сразу «да». Два дня решил: ехать мне... — не ехать?.. Потому что поехать и не победить после Дрездена (я ведь уже лауреат) мне казалось позорным. А с чем ехать, как выступить, чтобы победить? Я понимал, что должен найти и какой-то внешний эффект: может быть, нужно ходить по канату? Или жонглировать?.. Нет, все не то. А если выйти с баяном? На баяне я играю неплохо, музыкальное образование у меня как раз по классу баяна. Но на конкурсе в Сопоте... с баяном? Нет, думаю, нужно что-то другое. И вдруг как озарение: барабан! Я еще студентом играл на барабане, меня даже на свадьбу однажды пригласили с барабаном. И я представил: пою куплет, а затем у меня соло на барабане. Это будет неожиданно, ярко! Звоню на телевидение, говорю: «Все. Я еду в Сопот». А песни еще нет. И вот Паулс предлагает мелодию, у Андрея Вознесенского прошу стихи, подсказывая тему. Вот так и возникает песня «Танец на барабане». Помните: «Эй, судьба, барабань на всю планету!» А как же, включены телекамеры всех стран!

А потом прилетела к Николаю «Птица счастья». Что ж, логично, что «Птица счастья» страшного

дня» появилась после международных побед. Кстати, в первоначальном варианте у А. Пахмутовой и Н. Добронравова «птица счастья» в конце концов улетала от лирического героя песни. Но по просьбе певца Н. Добронрава переделал последний куплет, и она вернулась.

После ярких и убедительных побед на международных конкурсах Н. Гнатюка стали приглашать гостем на престижные международные фестивали, где он пел в одних концертах с известными европейскими певцами, и относились к нему соответственно. А вот на Родине не баловали вниманием: нечасто он выступал на телевидении, мало писала о нем пресса, не приглашали его выступать и в престижные концертные залы... Правда, к радио он испытывает благодарность и не скупится на добрые слова в адрес музыкальных редакторов.

Я спрашиваю Николая: «Мало ведь одной «птицы счастья» певцу? Прилетали ли еще?» — «Да, — отвечает он, — ею стала песня «Малиновый звон».

Помню, сколько писем тогда приходило на радио, да и сейчас ее хотят слушать. А потом авторы «Малинового звона» А. Морозов и А. Поперечный предложили Николаю песню «Белые ставни». И она совпала с камертоном его души, а для многих людей стала откровением.

Гнатюк никогда не гнался за количеством песен и тем более за модой. Те, кто следит за творчеством певца, знают, наверное, что его репертуар не так уж и обширен. Главное для Николая, чтобы песня отвечала его понятиям о моральных ценностях. Иначе, считает он, появляются ложь и фальшь. Поэтому в репертуар им включаются только те песни, которые пробуждают в людях добрые, сердечные чувства. Давайте вспомним: «Голос матери» Е. Ширяева, «Коханья час» и «13-й поезд» Н. Тарасенко, «Твое тепло» Г. Заволокина, «Тихина-отрада» О. Иванова.

Тамара ОРЛОВА

7

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

На седьмой звуковой дорожке — фрагменты песен «Малиновый звон» (А. Морозов, А. Поперечный) и «Ее волосы были темными» (А. Баузе, Д. Шнайдер).

Фото А. РЫБАКОВСКОГО

Вглядитесь в эту фотографию. Не правда ли, красивые девушки! Это сестры Бэрри — Клэр и Мэрна — популярный американский вокальный дуэт, чья слава гремела по всему миру в 50—60-е годы. Отголоски популярности ансамбля сестер Бэрри хотя и с трудом, но пробивались и к нам. В те времена многие меломаны знали о существовании вокального дуэта, но мало кому доводилось его слышать. Разве что на грампластинках, привезенных из-за рубежа, или случайно на коротких волнах — выступления сестер Бэрри часто передавали зарубежные радиостанции.

В чем феномен дуэта? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Конечно, природа щедро одарила сестер и внешней красотой, и прекрасными голосами. Высокий голос Клэр и низкий Мэрны так замечательно сливаются в ансамбле, что ваш слух воспринимает их пение как звучание одного удивительного голоса. Но до сих пор для многих остается загадкой: как сестрам удалось пробиться на вершину музыкального Олимпа из самых низших социальных слоев, ведь детство и юность Клэр и Мэрны прошли в бедной еврейской семье, в общине, что ютилась в Ист-Сайде — интернациональном районе Нью-Йорка, имеющем довольно сомнительную репутацию по части нравов его обитателей. Хорошо известно, что уделом многих не востребованных американским обществом талантов часто на всю жизнь остаются подмошки банальных ночных клубов и ресторанов. Такая судьба поначалу не обошла стороной и сестер Бэрри.

Понятно, что мечта девушек из Ист-Сайда стать артистками вряд ли могла осуществиться без трудолюбия и упорства. Но, как это часто бывает в мире искусства, сыграл свою роль Господин Случай.

Улыбчивая фортуна предоставила сестрам возможность познакомиться с известным в Америке композитором, аранжировщиком и дирижером Абрахамом Эльштайном. Благодаря многолетнему творческому содружеству с ним сестры Бэрри возродили немало забытых еврейских мелодий, а также открыли для слушателей новые, малоизвестные имена композиторов.

Дуэт сестер Бэрри прошел большой творческий путь — от исполнения еврейских мелодий до участия в престижных шоу американского телевидения, в мюзиклах и гала-концертах. Они оказываются великолепными интерпретаторами любого направления зарождающейся поп-музыки. В их исполнении оригинально зазвучали популярные мелодии многих стран мира. Дуэт много гастролирует по странам

И КРАСОТА, И ВДОХНОВЕНЬЕ

американского континента, Европы и Ближнего Востока. С триумфом проходят его выступления в Израиле.

Огромной популярности сестер Бэрри способствовало знание языков. В Латинской Америке они поют по-испански, в англоязычных странах — на английском, в Израиле — на иврите и идише. Но чаще всего использовался такой прием: отдельные куплеты песни певицы исполняли на разных языках. Таким образом, ее содержание всегда доходило до любого слушателя.

Сестры Бэрри стали записываться на граммофонные пластинки сразу же после своих первых публичных выступлений — сначала в США, а затем в Израиле. Несмотря на то что запись часто осуществляли далеко не лучшие фирмы, пластинки никогда не залеживались на прилавках магазинов. Так случилось и с первой советской грампластинкой, выпущенной Всесоюзной фирмой «Мелодия» в начале этого года.

В обширном репертуаре сестер Бэрри каждый мог найти что-то

созвучное своей душе. В музыкальном ряде любой их пластинки или концерта никогда не было однообразия — лирические, порой грустные песни всегда сменялись зажигательными, огневыми вроде «Хавы нагиль», «Хоры» или «Цинацина». И любому концерту сестер Бэрри никогда не грозила опасность однообразия, так как их артистизм включал в себя богатую палитру оттенков.

Москвичи-старожилы помнят приезд популярного дуэта к нам в 1959 году, приуроченный к открытию в Москве американской выставки. В составе группы Эда Салливана сестры Бэрри выступили в Центральном парке имени Горького, в «Зеленом театре». Публика, битком заполнившая театр, долго не отпускала их со сцены, трвбуя еще и еще раз исполнить «Очи черные» и «Бублички». Успех был колоссальный.

Эду Салливану певицы обязаны не только возможностью побывать в нашей стране. Их сотрудничество и дружба начались с выпуска грампластинок в то время, когда становление дуэта еще только началось, а будущая всемирная слава сестер Бэрри даже не брезжила на горизонте музыкального небосклона.

Лучше, чем сами сестры, сказать об Эде Салливане, пожалуй, трудно. В аннотации к своей лучшей пластинке они написали: «Этот альбом посвящен Эду Салливану — одному из добрейших и интеллигентнейших людей, которых мы когда-либо знали. Только Эд помог нам поверить в себя, и только благодаря ему этот альбом появился на свет. Клэр и Мэрна Бэрри».

Те, кто знаком с творчеством сестер Бэрри, невольно отмечают мастерски сделанные аранжировки — как в самих песнях, так и в их оркестровом сопровождении.

Артистки всегда принимали самое активное участие в обработке каждой песни, соизмеряя ее музыкальную ткань со своими вокальными возможностями, находя то единственное решение в передаче образа песни, которое подсказывали им душа и сердце, их профессиональная интуиция.

Прошло более десяти лет с тех пор, как дуэт прекратил свое существование: ушла из жизни Мэрна. Но след в истории мирового эстрадного искусства он оставил заметный. Многие из людей старшего поколения еще будут помнить прекрасное исполнение двух милых женщин — Клэр и Мэрны Бэрри, их чудесные песни. Наверное, второго такого ансамбля никогда не будет, ибо у него были свой шарм, свое неповторимое творческое лицо.

В. ЗАЙКА

В КОЛЛЕКЦИЮ
РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

10

На десятень звуковой дорожке — еврейские народные мелодии — «Попурри на темы еврейских песен» и «Хора» (фрагменты). Поют сестры Бэрри.

Мы решили устроить побег. Как у самого ленивого из всех нас, мысль эта родилась, конечно, у меня. Витусик, Зармик и Инуля сочли такое предложение очень своевременным.

Для побега нужны были харч и оружие. Харча у нас не было никакого, однако из оружия кое-что все же имелось. Во-первых, у Витусика имелась мировая штука — гирька весом двести пятьдесят граммов, крепко привязанная за шейку куском красного телефонного провода. Если такой гирькой попасть в лоб кому хочешь, хотя бы волку, то кто хочешь, хотя бы тот же еолк, слетит моментально с катушек. Инуля, который всю сознательную жизнь ходил в очках, не мог пользоваться таким дальноточным оружием, поэтому ничего, кроме массивного свинцового кастета, применяемого в ближней стычке, при себе обычно не имел. Зармик, который всегда питал склонность к различным огненным утехам, в частности к поджогам, в любой час дня и ночи имел при себе для произведения оных различную снасть: стальное кресало

беге, Юрик, розовощекий ухажер моей двадцатидвухлетней тетки, привез мне с фронта настоящий немецкий «парабеллум» с двумя кружочками наверху: как оттянешь, так и можно стрелять. Этот «парабеллум» был у меня в руках только один миг, когда Юрик прямо с порога кинул мне его на диван. В ту же секунду все мое семейство бросилось на меня отнимать «парабеллум». Чуть не поломали диван. Я дрался, как при смертельной схватке, я дрался не только за себя, но и за друзей, чувствуя, что именно этого «парабеллума» и не хватало в составе нашего богатства. Но силы были неравные, и численное превосходство противника не могло не сказаться. Я даже применил свою старую угрозу — взял молоток и подошел к большому зркалу, красе и гордости обстановки, как бы с намерением разбить его. Какой с ребенка спрос? Но семья молча смотрела на мои малолетние действия, зеркало осталось неразбитым, я бросил молоток и заплакал. Юрик тоже расстроился, забрал свой подарок, но через полчаса тайно отозвал меня в ванную и сунул в руку трофейный кортик, на котором были написаны

три раза перевешивать заставляю. Значит, двадцать девять рублей с копейками кладешь в кассу побега. И довесок туда лубой не сешь — на пятый этаж, к Витусику, потому что квартира у них лубольшая, и никого не вселили, и живут они вдвоем с матерью.

Очкастый Инуля — профессорский сын, самый тихий и умный из нас — лазил по форточкам. Тело у него худое, тонкое, пролезал в лубую щель, и хоть у них в семье «литер А», и питаются неплохо — надоела ему тоже эта жизнь! Опустился и двор наш, куда порядочной-то фугаски ни разу не упало, а все зажигалки в асфальте дыр понаделали, и школа наша надоела, освобожденная только что из-под артиллерийского училища, одни мишени остались на стенах, и наша третья смена с семи до двенадцати ночи, винегрет в столовой, бублики раз в день «на шарап». Да и чего веселого-то в этой школе было? Одна географичка с голубыми глазами, да еще раз случай был, когда Левка Уран скинул с четвертого этажа парту на директора Малахова. Но ведь не попал же! Так что Инуля был тоже с нами заодно, тем более что такого специалиста по форточкам не сыскать было нигде, даже в Минаевских дворах. Однако перед самым побегом с ним сослепу случилась неприятность: лез е форточку на первом этаже в Даевом переулке да сквозь грязное стекло не разглядел, что там какая-то старуха на кухне двигается. Только Инуля показал голову в кухню, старуха возьми да и дай ему сковородкой по голове! С тех пор перевязанный ходит и на стекло плюет, чистит хорошенько. С Инули был большой прок — приносил он в кассу побега в основном консервы.

Зармик тоже даром свой хлеб не ел, почти каждое утро навдывался в чистенькие дворы под названием «Иностранка». До войны там иностранные специалисты жили, но потом все куда-то подевались, поселилась там публика, хоть редкая, но чистая. Зармик был школьник с хорошими способностями: сковал себе из длинной проволоки крючок, лазил по опасным черепичным крышам «Иностранки» и этим чудесным крючком снимал с пятых этажей авоськи, в которых хозяйки отвешивают за борт своих квартир мясо. Таким образом, неохваченными оставались только средние этажи — нижними занимался Инуля, верхними — Зармик. Мясо, добытое им, должен был пережаривать в своей квартире Витусик, чем он и занимался, а посему был освобожден от добычи харчей на побег.

Кроме того, велась и другая работа: все мы как имевшие велоси-

Мы впервые публикуем рассказ Юрия Визбора «Побег». Побег москвитских революшек через полвека после тайного бегства заутленного в башлык г-на Чечевицына — Монтигомо Ястребиного Когтя и его «бледнолицего брата» Володи Королева из чеховских «Мальчиков». Полвека спустя.

Та же страна, другое время, другие мальчики и вечная детская неустремленность к побегу. Только мальчишки Визбора бежали не к индейцам в Америку, а на Отечественную войну, чтобы стать разведчиками. «пробраться в Берлин и убить Гитлера». Такова была цель.

ВПЕРВЫЕ В «КРУГОЗОРЕ»

ПОБЕГ

с кремнем и трутом, несколько коробок фосфорных спичек, пугач с гвоздем в стволе, до отказа набитой серой со спичек, зажигалки различных систем.

Все мы вместе припасли к побегу массу необходимых вещей: картонную коробку с капсулами для мин, почти полную катушку суровых ниток, кривой садовый нож, длинную книжицу «Силуэты немецких самолетов», красное стекло стоп-сигнала от машины «студебеккер», кусок святающейся в темноте фосфорной бумаги, медный царский пятак, герой битв в «расшеше», командирскую звездочку из красного материала, обшиту по краям золотом, доску от игры «Сказки Пушкина», два настоящих патрона от револьвера «наган», полевую сумку со специальными нишами для карт и карандашей, куда ввиду их полного отсутствия мы вставляли палочки, отломанные от ветки тополя. Это богатство было коллективным и хранилось в квартире Инули, в сейфе, где раньше Инулин отец-профессор, ушедший теперь на фронт, хранил какие-то бумаги.

А тут как раз, будто узнав о по-

какие-то слова, но так запутанно написаны, что мне казалось, что никто в жизни прочесть их не сможет. Но Юрик прочел. Он сказал, что здесь написано: «Германия превыше всего». Я не мог терпеть, чтобы превыше всего была Германия. Я пыхтел два дня, но стер напильником с лезвия эти слова. И Юрика я очень любил и всегда хвалил его перед своей красавицей теткой. Такого ухажера, который был летчиком и летал к партизанам, не было ни у кого из нашего двора и, конечно, ни у кого не было такого замечательного кортика, хотя наш двор состоял из одних «огольцов», кроме толстого Карлуши, который вечно получал по соплям.

Деньги на харч и дальнейшее житье в лесу добывались разными способами. Я, например, каждый день отоваривал четыре рабочих, две иждивенческих и одну детскую карточку. Приходишь в булочную за хлебом. Надо в кассе выбить тридцать два сорок. Выбиваешь три двадцать четыре. Продавщицы смотрят, конечно, на карточки, чек накалывают на гвоздик, не глядя, очередь орет, каждый довесок по

Но, как это часто бывает, утопический план провалился. Однако для Юрия Визбора — не мальчика, но мужа, всегда очень взрослого человека, побег был любимейшим состоянием души. Его письменный стол в старой редакции «Кругозора», на Пятницкой, был почти всегда необитаем. Визбор постоянно числился «в бегах»: в морях, под водой, в горах, в питерских белых ночах, на плато Расвумчорр и в других местах. Потом он возвращался, шел в студию, садился за письменный стол и «отписывался», причем делал это быстро и как-то незаметно. После чего под взмах его белых ресниц звенели струны гитары, собравшимся вокруг пелись песни и сообщались байки, начинавшиеся, как правило, с полуфразы-расквутки: «То есть, я тебе должен сказать, старик, ну это вообще...» Читайте «Побег» Юрия Визбора.

Т. ДМИТРИЕВ

педы занимались их переустройством. Мысль сделать велосипед машиной, способной преодолевать любые водные преграды, подсказал нам «Боевой киносборник № 13», в котором Гитлер едет на велосипеде с поплавками по озеру, а заднее колесо дает тягу, крутясь по воде. Идея была страшно простая, как никто до этого не додумался раньше, было просто непонятно! Поплапки — несколько выломанных из забора досок — строгал я лично, чем вызвал большое удивление и похвалу своего отца, начальника гавка, бывшего плотника. Осталось только испытать конструкцию, но все мы были уверены в полном успехе.

Август подошел к концу. Москву навещали короткие сильные грозы, смывали тополинный пух в решетчатые колодцы. Мы должны были попасть на фронт, добраться туда своим ходом, со своим харчем и оружием, влиться в состав войск, а то и создать отдельную группу разведчиков под названием «Смерть фашистам» и добывать для маршалов ценные сведения, а если нужно, то пробраться в Берлин и убить Гитлера. Нам очень хотелось убить Гитлера! В конце концов мы уже не маленькие, нам по девять лет! А Витусик так может дать Гитлеру в лоб своей гирькой, что тот сразу свалится с катушек. Таков в общих чертах был наш план.

А пока готовился побег, мы занимались обычными делами: играли на солнышке в «расшеше» и в чеканку, гоняли маленький резиновый мяч, лазили по крышам и заборам, приставали к военным, дрались с Ванькой Быком и его компанией с Минаевских дворов, гонялись за котами, рисовали на бумаге химическим карандашом фиолетовые полосы и пристраивали эту бумагу за ворот рубахи — вроде бы тельняшка выглядывает, пугали спекулянтов громкими криками: «Обыск! Обыск!»; переходили Садовое кольцо в неположенных местах и торговали возле кинотеатра «Уран» папиросами «Казбек» — три — пара! (Три рубля — две папиросы — вот такие, товарищи, были тогда цены на черном рынке!)

Участковый старшина по прозвищу Трубка грозно поглядывал на окружающую обстановку, а два знаменитых на всю Сретенку огольца — Зять и Портной, ввернувшись с очередного дела, небрежно покуривали возле касс. Иногда нас в гости приглашал Инуля, мы чинно приходили, усаживались в глубоком, непомерных размеров, кожаном диване и смотрели старые книги по астрономии. Иногда мы приходили к Зармику, обязательно ели щи из крапивы, приготовленные его доброй мамой, а после щей

сам Зармик неукоснительно заводил нас в чулан, где с гордостью показывал самый заветный свой алмаз — большую паяльную лампу, которую он не разрешал трогать даже самым близким друзьям. Несмотря на свою страсть к поджогам, был он мальчик добрый и нежный. Был он моим другом на всю жизнь, а кроме этого, были мы с ним вдвоем влюблены в девочку Таню с «Иностранки», выслеживали ее зимой, на коньках, в Панкратьевском переулке, ежевечерне сшибали с ног и писали специально сворованными у учительницы математики разноцветными мелками на всех подручных заборах, парадных, водосточных трубах, стенах, автомобилях, книгах, лестницах, сараях и воротах магическое слово «ЯНАТ», что означало — если прочитать с другого конца — Тяня.

Бежать было решено под вечер, «под покровом темноты», как сказал Инуля, самый умный из нас. По докладу Витусика были готовы четыре мешочка сухарей, бутылки с питьевой водой, восемь банок консервов, жареное мясо, наточены все ножи, сделаны поплавки, и карманы Зармика бугрились от запасных частей. Карты, правда, у нас не было, да и не нужна она была, потому что Витусик неоднократно рассказывал, что на всех дорогах, как ехать на фронт, стоят указатели, на которых написано «На фронт», а в другую сторону написано — «С фронта». Так что карта была совершенно не нужна.

Конечно, не все шло так гладко, как это может показаться. В решительный день побега я почему-то загрузил, заволновался, спрятав все свои рисунки и фотографии отца, которые отчим искал, да не нашел, из тайного места за трубой в ванной в самое тайное — под лестницу, за вынимающийся кирпич. Целый день я проторчал у окна, откуда мне виден был весь наш двор с кучей пыльного и неприятного на вкус буроугольного, черная резная тень от чугунной ограды, повторяющая на утрамбованном, кое-где прихваченном травой песке изображение какой-то птицы; виден мне был и кусок крыши восьмизэтажного дома, где на ветру хлопотали у пулеметов солдаты; в щели между домами бесновалось Садовое кольцо, а еще дальше, совсем далеко, на подходе к вокзалам, чуть-чуть поглядывала какая-то зеленая крыша, и если прищурить или чуть отвести в сторону глаза, то казалось, что там синее лес или река...

Когда пришла с работы мать, я все терся возле ее теплых боков и, запершись в ванной, с большим волнением спел вполголоса песню

«Когда вернусь — не ведаю...». Мать два раза спросила: «Да что с тобой сегодня?» Потом выгнала меня из ванной, занялась стиркой, я вздохнул, взвалил на плечи велосипед, совсем собрался было идти, как вдруг мать вышла из ванной и сказала:

— Ну-ка, сынуля, иди сюда.
Я подошел.
— Ты что это затеял?
— Ничего, — сказал я и похолодел.

— А это что? — Мать разжала руку. Там лежал розовый черонец. Как говорит Витусик, «черводец» не деньги, а выбросить жалко».

— Десять рублей, — сказал я.
— Я их нашла в твоём кармане. Откуда у тебя такие большие деньги?

— Нашел.
— Не ври.
— Нашел.

По коридору прошла красавица тетка и на ходу сказала матери:

— Ты, Мария, поостороже с ним, совсем парень от рук отбил, ходит со всяким хулиганьем, с Инулей связался.

— С Инулей? — ахнула мать.
— А что?
— Ну, смотри! — сказала она и так погрозила пальцем, как в прошлом году, когда отлупила меня венником.
— Ладно.
— Чтоб в девять был дома.
— Ладно.

Я хлопнул дверью своей квартиры номер сто двадцать четыре (этим номером я очень гордился, потому что он делился на два, на четыре, на восемь и на шесть с остатком) и вышел на лестницу. Как раз сверху спускался Зармик, гремя железом. Мы вышли во двор, где нас уже ждал Инуля, безразлично поглядывая на первые этажи окружающих строений. На душе у меня было очень темно. Я очень хотел убить Гитлера, но я любил свою маму и знал, что она будет очень расстроена, когда узнает, что я убежал. Правда, когда мы поймаем в плен немецкого генерала и об этом напишут в газетах, мама успокоится и будет гордиться таким своим сыном. И забудет про десятку. Однако душа моя болела, разрываемая такими сильными эмоциями. Не знаю, испытывали ли то же самое мои друзья, но спокойствия явно никому не хватало. В порядке разминки мы дали по двору три круга. Зармик, чтобы скрыть волнение, поджег на ходу большой американской фосфорной спичкой кучу листьев. Листья задымили, нахмурилось небо. В соседнем дворе кто-то колот дрова. Инуля сказал, что очень неудачное время для побега: сейчас солнце

сядет, и наступит темнота. Кроме того, может пойти дождь. И, наверное, будем ночевать в лесу. Хочет Инуля кого-нибудь испугать! «Костер разведем!» — сказал Зармик, потрясая огнеопасными предметами. Умный Инуля одобрительно посмотрел на нас из-под очков. Проверку устроивал.

Витусик запаздывал. Пока он там у себя ковырялся, мы пошли по лестнице и в сотый раз осмотрели поплавки для велосипедов. Должны выдержать — таково было общее мнение. Потом я всем еще раз показал кинжал, привезенный Юриком. Во дворе вечерело. В желтое небо, разукрашенное фиолетовыми облаками, поднимались черные аэроплатаны. Витусика все не было. Конечно, он не может снести вниз все припасы один! Мы попрятали свои велосипеды и побежали на пятый этаж. Витусик сам нам открыл дверь, стал на пороге и сказал: «Приветик!»

— Ну что? — спросил Инуля.

— Чего? — спросил Витусик.

— Как чего? Мы тебя ждем!

— Куда?

Мы обомлели.

— В побег!

— А, в побег... — сказал Витусик, будто только что услышал об этом... — Нет. Меня мама не отпускает.

Мы не поверили своим ушам!

— Хорошо! — сказал Инуля, — мы уходим втроем. Давай харч. — Витусик ушел куда-то в глубь квартиры, повозился где-то там, вынес банку американской тушенки.

— А где сухари? — со слезами на глазах спросил Инуля. — Где консервы? Где деньги?

— А где жареное мясо? — воскликнул Зармик.

— А мы с мамой все съели, — простосердечно сказал Витусик. Инуля, ни слова не говоря, стал снимать очки — так он делал всегда перед дракой. Витусик захлопнул дверь, и было слышно, что он с той стороны заложил ее на цепочку. На лестнице стало темно. Тускло белел круг американской тушенки...

Во дворе возле своих велосипедов мы поклялись завтра же отлупить Витусика, предателя и шпиона. Зармик сказал, что подожжет его квартиру, а мы сказали, что отнимем знаменитую гирьку. Я поплелся домой. За столом сидел отчим и уплетал жареную пшеничную кашу. А на самой середине стола под голубым светом абажура лежала розовая десятка, вынутая из моего кармана. Я почувствовал, что сейчас начнется следствие. Я очень любил маму, но мне жутко захотелось на фронт. ■

Публикация
Анатолия Азарова

ЗОЛОТАЯ ТРОЙКА ИЗ «ГНЕСИНКИ»

На третьей звуковой дорожке — «Латиноамериканский танец» (И. Фролов), «Этюд-картина-соль минор» (С. Рахманинов) и «На празднике» (А. Ключарев). Фрагменты исполняют А. Огригчук (гобой), И. Федоров (кларнет) и Д. Булгаков (гобой).

ФЕСТИВАЛЬ КОНКУРСА...

«Гнесинки» (как уже многие поколения музыкантов всегда величают московскую специальную музыкальную школу имени Гнесиных) всегда была щедра на таланты: только за последний десяток лет она подарила нам Князева и Рудина, Березовского и Кисина... Список можно продолжить. Читатель этих заметок почти наверняка уже решил: речь пойдет о победителях очередного конкурса юных пианистов, скрипачей и виолончелистов. Что ж, вполне закономерный ход размышлений: у нас других и не бывает. Но в данном случае все-таки точнее будет сказать: «Не было».

Весной проходил I Всесоюзный конкурс исполнителей на духовых инструментах для учащихся специальных музыкальных школ. Наконец-то — эта идея давно витала в воздухе! Притчей во языцех стало мнение, что у нас совсем скверно обстоят дела с духовиками. И было совсем небезынтересно посмотреть, какова же реальная картина.

Представьте, она не имеет ничего общего с пессимизмом слухов. На этом конкурсе флейтистов, гобоистов, фаготистов и кларнетистов собрались перспективные ребята из самых разных городов — Ленинграда, Харькова, Одессы, Минска, Алма-Аты, Еревана, Новосибирска. А целых три, да еще золотые, награды завоевали воспитанники московской Гнесинской школы.

Итак, знакомьтесь: Дмитрий Булгаков (13 лет) и Алексей Огригчук (12 лет) играют на гобое, а Игорь Федоров (13 лет) — на кларнете. Эти ребята — ученики прославленных музыкантов — профессоров И. Ф. Пушечникова и И. П. Мозговенко.

«ЛЕТУЧЕЕ» ИНТЕРВЬЮ С ПОБЕДИТЕЛЯМИ

— Как вы считаете, насколько серьезной была конкуренция на конкурсе?

Дима: Ой, очень серьезная! Там все ребята были старше нас, очень сильные...

Игорь: И с очень хорошей техникой, красивым звуком. Я никак не ожидал, что смогу их «переиграть». Мы с мамой думали: «Ну, может быть, будет диплом, в крайнем случае, 2-я премия...»

Леша: И со мной тво было!

— Ну, а когда вы все-таки узнали, что победили, интересно, какие чувства испытывали?

Леша: Я был шокирован!

Дима: Да, поверить было невозможно! Хотя перед официальным объявлением результатов один хороший профессор нам подсказывал всякими знаками: «Победили, победили!»

Игорь: А мне трудно описать свои чувства тогда. Я только сейчас понимаю, насколько для меня было важно победить. Этот конкурс будто вытолкнул меня в жизнь, причем «пинком». Там была очень яркая программа, она помогла мне сильно вырасти — концерты Гайдна, Коллена, разные пьесы...

Игорь: ... соната Баха, концерт Крамержа.

— Эти сочинения обычно играют взрослые, опытные музыканты. Наверное, вам долго пришлось работать над программой?

Игорь: Я занимался по 4—5 часов в день, но времени на подготовку было мало: в конце декабря нам дали программу, а в январе уже был первый тур, в марте — второй и третий.

Дима: Вообще-то я не люблю, когда говорят: «Надо много заниматься». Главное — все делать качественно.

Леша: А я до последнего момента менял программу. Пытался как-то найти свой стиль...

— И какой же у тебя «стиль»?

Леша: Такое полетное, светлое звучание...

— Какую музыку вы любите, каких композиторов предпочитаете?

Леша: Я — Гайдна.

Дима: Моцарта, Вивальди. Но отдаленно от всех для меня — Бах. Я его ни с кем не сравню.

Игорь: У меня любимые в основном русские композиторы — Чайковский, Рахманинов, Глинка.

— Вы, наверное, сами понимаете, что не похожи на большинство своих сверстников: им нравится совсем другая музыка. И времени на серьезные занятия им приходится тратить куда меньше. Кто-то из них может и пожалеть вас: мол, «эх, бедолаги, детства лишились!» Как вам живется без «детских радостей»?

Игорь: Ну нет! Как это без радости? Я со своей собакой гулять люблю. Кстати, прямо накануне конкурса у нее родилось 5 щенят. Представляете?!

Дима: Мы все сейчас старинные монеты собираем.

Леша: Я часами готов играть в футбол — это вообще наше общее «школьное» хобби.

— Как вы себе представляете свою дальнейшую жизнь?

Дима: Каждый музыкант мечтает играть в хорошем оркестре или ансамбле.

Леша: Можно заняться и педагогической работой...

Игорь: Но главное — это концертная сцена!

...Что ж, рискнем предположить, что эти ребята в будущем смогут украсить любой по-настоящему хороший оркестр — как «здесь», так и «там». (Хотелось бы, чтобы все-таки «здесь»!)

А пока — прислушайтесь, как переливается светом голос гобоя Алеши Огригчука, как умно и «качественно» (по его собственному выражению) работает Дим Булгаков, как поет, слагая бесконечную мелодию, кларнет Игоря Федорова в столь любимой им музыке Рахманинова... ■

О. ШАПОВАЛОВА

В первой пятёрке наших самых популярных коллективов, работающих в жанре современной танцевальной музыки, по праву можно назвать группу «Звезды». Ее концерты проходят при полных аншлагах, зажигательные песни звучат по радио и телевидению, на дискотеках и просто на улицах. И всегда на переднем плане неутомная солистка, которую, как прекрасно знают любители поп-музыки, зовут Наташа.

Детство Наташи Гулькиной прошло в уютном дворике старой Москвы. Она прилежно училась в школе, занималась в джазовой студии при ДOME пионеров и всегда мечтала быть певицей. Но когда попыталась поступить в музыкальное училище, удача ей не улыбнулась. Решающую роль в судьбе Наташи сыграла встреча с начинающим композитором Андреем Литягиным, который в 1986 году создавал новую группу. Через некоторое время Гулькина стала солисткой коллектива, который решено было назвать «Мираж».

В марте того же года был завершен первый магнитоальбом «Звезды нас ждут», но лишь осенью группа решила начать гастрольную деятельность. Популярность коллектива росла, росло и количество самозванных двойников «Миража», выступавших под его фонограмму. Через два года в группе, как это часто бывает, начались конфликты. Финансовые

разногласия, творческая неудовлетворенность и в первую очередь желание обрести самостоятельность подтолкнули Наташу к разрыву с «Миражем».

Композитор Леонид Величковский из московской группы «Биоконструктор» предлагает ей записать сольный альбом. Тексты песен написала она сама, музыку — Величковский, а для записи были приглашены музыканты из джазовой студии, в которой раньше занималась Наташа. В это время и сформировалось окончательное решение о создании собственной группы...

В январе 1989 года закончилась работа над альбомом «Мой маленький принц», в который вошли уже известные шлягеры Гулькиной «Солнце горит» и «Улетает в небо шар», а также новые песни. Одновременно с выходом альбома на сценических подмостках появляется диско-группа, которую Наташа, помня одну из своих первых песен, спетых в «Мираже», называет «Звезды».

Летом того же года состав «Звезд» поменялся и вот уже более полутора лет остается неизменным: Игорь Иншаков (гитара), Александр Чижое (клавишные, вокал), Игорь Милованов (ударные), Лена Терентьева (клавишные), Игорь Пономарев (гитара). Звукорежиссер группы — Володя Иванов. Художественный руководитель — Константин Терентьев (он

к тому же еще и горячо любимым муж Наташи).

Костя первое время в группе играл на клавишных, но потом решил тоже «попробовать голос» и создал свою собственную команду под названием «Шериф». Расширяется семейное поп-дело. Чего только не бывает в эстрадном мире: муж руководит группой жены, а жена пишет песни для группы мужа. Но, как считает Наташа, никакой борьбы между ними за лидерство или популярность нет ни на сцене, ни в семейной жизни: «Мы оба лидеры, в чем-то Костя, в чем-то — я. И кто из нас лидирует в большей степени — не имеет значения».

Большую часть своего свободного времени Наташа уделяет сыну Алеше, который уже перешел во второй класс. Лишь поздним вечером, когда уже все спят, удается ей немного почитать, посмотреть телевизор или видео, послушать записи любимой группы «Рондо». А иногда ее посещает муза, и тогда она начинает писать стихи для своих будущих песен или просто так — для себя. Любит устраивать себе и домашним маленькие земные радости — готовить свое фирменное блюдо — курицу по-гулькински. Рисует и много шьет, мечтает побывать в Японии. Обожает своего кота Тиму. А на большее у 26-летней звезды просто не остается времени, потому что главно для нее — творчество. ■

Дмитрий ТКАЧЕНКО

ЗНАКОМСТВА

6

На шестой звуковой дорожке Наташа Гулькина и группа «Звезды» поют песни «Айвенго» (С. Лемох, Н. Гулькина) и «Дисней ангел» (О. Молчанов, А. Славодосов).

Фото автора

ОДНУ ИЗ «ЗВЕЗД» ЗОВУТ НАТАША

9 ВАШ ДРУГ «МЕКАНО»

ЗАРУБЕЖНАЯ ЭСТРАДА

СВОЕ-ВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

- Хорошо жить честно, но хорошо жить — еще лучше!
- То, что не выдерживает никакой критики, у нас не критикуется.
- Отдельные недостатки у нас большая редкость.
- Мы учимся не столько на ошибках, сколько у тех, кто их постоянно допускает.

Испанская группа «Мекано», костяк которой составляют солистка Ана Торроха и два музыканта — братья Игнасио и Хосе Мария Кано, в течение последних лет является ведущей национальной поп-группой, принесшей известность испанской современной музыке далеко за пределами своей страны. Особенно удачным для «Мекано» стал 1988 год, когда увидел свет их альбом «Воскресный отдых».

В сегодняшней Испании, как в любой другой европейской стране, не счесть групп и исполнителей, работающих в самых разнообразных жанрах — от фолка до «металла». И все же абсолютный лидер сегодняшней музыкальной Испании — группа «Мекано», об этом вам скажет любой испанец.

В чем же секрет огромной популярности ансамбля? В прозрачном вокале Аны Торрохи? В запоминающихся мелодиях братьев Кано (они авторы музыки всех композиций ансамбля)? В удачно выбранном имидже? Или в содержании песен? Пожалуй, все вместе взятое плюс продуманное, без излишеств использование возможностей компьютеров — стихия Начо (Игнасио) Кано и всегда удачный выбор музыкантов, которые выступают вместе с ними на концертах или участвуют в записи в студии. Обычно это струнная группа, «живые» ударные, иногда духовые инструменты.

И еще одно немаловажное обстоятельство: «Мекано» всегда выступает «живьем».

А теперь немного подробностей о самой удачной работе ансамбля

— предпоследней до сегодняшнего дня и шестой по счету с момента появления группы пластинке «Воскресный отдых», тем более что вы сможете послушать две композиции как раз из этого альбома.

«Это должно было произойти: «Мекано» стало настоящим триумфом поп-музыки Испании 1988 года», — писала испанская музыкальная пресса в связи с выходом упомянутого диска. Хит «Сегодня мне так трудно встать» (песня про состояние похмелья, которое иногда испытываешь по понедельникам — отнесемся к этому с юмором, в конце концов все мы люди) пришелся настолько по душе испанцам, особенно молодым, что стал своего рода «визитной карточкой» ансамбля. Но музыканты не стояли на месте: новые песни «наизывались» одна на другую, постепенно превращаясь в своеобразную игрушку огромных размеров, которой можно забавляться и восхищаться одновременно.

«Триумф «Мекано» — явление не случайное, — продолжаем цитировать испанскую музыкальную критику. — Все эти годы группа оттачивала свой талант. С другой стороны, поистине хорошую службу сослужили им и их «фаны» — как те, кто с самого начала отдал предпочтение этому трио, так и те, кто «распробовал» «Мекано» совсем недавно».

Рост популярности ансамбля стимулировал творческие поиски группы: братья Кано и Ана Торроха всякий раз отказывались от «перепевов» прошлых успехов, продолжали поиск чего-то нового.

Альбом «Воскресный отдых» разошелся по стране миллионным тиражом, разом побив все национальные рекорды. Добившись огромной популярности у себя в стране, «Мекано» решало двуединую задачу: с одной стороны, удержаться на вершине испанского поп-олимпа, с другой — сделать так, чтобы как можно больше любителей их искусства имели возможность видеть своих кумиров «живьем» на сцене. До сегодняшнего дня «Мекано» справляется с этим на «отлично»: записи, сделанные в отечественных или английских студиях, в магазинах не задерживаются. Концерты же легко собирают по 50—60 тысяч человек.

Испанцы долго ждали появления ансамбля, способного вывести национальную поп-музыку на международную арену, причем не просто вывести, а заставить говорить о ней как о явлении искусства. Уже тот факт, что на концертах группы в Нью-Йорке «Палладиум» был заполнен до отказа, думается, в комментариях не нуждается.

На сцене мир поп-фантазии, в котором царствуют Начо и Хосе Мария Кано со своими мелодиями, такими, казалось бы, простыми, но западающими в душу. А в центре — поющая Ана, связующее звено между реальным миром (зрителями) и миром чудес, созданным «Мекано».

В. СУХОВ

На девятой звуковой дорожке — в исполнении группы «Мекано» фрагменты композиции «Женщина против женщины» и «Сальвадор Дали».

■ А мы молчать не будем! Даже если нам нечего будет сказать!

■ Все улируется в то, чего нет.

■ Для оацы нет большей радости, чем видеть сытого волка.

■ Если чудес не бывает, то откуда же возьмется колбаса?

■ Только ограниченные люди довольствуются несметными богатствами.

■ Если бы летающие тарелки прилетали к нам не пустые!

■ Одно удовольствие ругаться с культурным человеком!

■ Если не кушать и не дышать, то жить можно.

■ Открываешь холодильник, а там — все преимущества социализма.

■ Музыкальное приложение к передаче «Навстречу съезду» — стоны.

■ Лучшая работа — делать деньги.

■ Когда нечего продавать — все занимаются перепродажей.

■ Развесие уши, вы рискуете остаться с носом.

■ В стране поголовных бездельников безработица никому не грозит.

■ Обычно для полного счастья человеку чего-то не хватает, а если у него есть все, то он уже — несчастный.

■ Надо так прожить свою жизнь, чтобы не хотелось начать ее сначала.

■ Вроде ничего не делали, в сколько надо всего переделывать!

■ Судя по нашим ценам — наш народ самый богатый.

■ Без специалистов работать можно, нельзя без козлов отпущения.

■ Тот, кто умеет считать, пересчитывает дважды.

■ Если счастье не в деньгах, то и Бог с ним!..

■ Чтобы выразить человеку сочувствие, обычно достаточно поздравить его с очередной годовщиной Великого Октября.

■ Наши люди настолько доверчивы, что не верят даже своим глазам!

■ Если тебе советуют быть умнее, значит, тебе надо прикинуться дурачком.

■ Свиные нравится, когда ее кормят на убой.

■ Лишь тот несчастен, кто хочет быть счастливым.

■ Самому глупому нет равных по уму.

■ Отличительная особенность дураков — они такие же, как все.

■ Добро всегда побеждает зло, но от этого зло не становится меньше.

А. ПЕРЛЮК

г. Кировоград

Мэриэнн Фэйсфул... Похоже, имя это у нас забыли, хотя, впрочем, вряд ли кто-нибудь и помнил его как следует, за исключением самых заядлых поклонников рок-группы «Роллинг Стоунз». Почему «Роллинг Стоунз»? Очень просто: восемнадцатилетняя Мэриэнн, успевшая бросить престижную частную школу в британском городке Рэдинг и выйти замуж за модного художника Джона Данбера, становится подругой и постоянной спутницей Мика Джеггера.

Будущую певицу представил Джеггеру его менеджер Эндрю Лог Олдэм. И это был правильный ход: ангельская внешность Мэриэнн и кое-какие вокальные данные позволяли Олдэму надеяться, что с песнями Джеггера и Ричардса бойкая юная леди сможет продержаться в бурном море поп-музыки 60-х. Так оно и случилось: переезжая же песня, которую ребята из «Роллинг Стоунз» написали для начинающей артистки, сделала свое дело: певица становится звездой, а песня «Пока льются слезы» взлетает на четвертое место британского хит-парада.

Неужели одной дружбы с группой «Роллинг Стоунз» оказалось достаточно? Нет, разумеется. Было и еще одно обстоятельство: рок и особенно группа «Роллинг Стоунз» считались тогда музыкой молодежного протеста, и Мэриэнн Фэйсфул подходила на роль юной бунтовщицы не столько своими песнями, сколько всем своим ими-

жем — и сценическим образом, и самим «стилем жизни».

Дочь профессора-англичанина и австрийской баронессы из знаменитого рода Захер-Мазох, аристократка и вдруг — ребенок в 18 лет, раннее замужество, потом связь с популярным рок-певцом, резкие и откровенные интервью; медитации, наркотики, несколько попыток самоубийства — в общем, материала для скандальной хроники хватало. Правда, через пару лет со всем этим было вроде бы покончено.

Впрочем, как это ни банально может прозвучать, но певица оказалась к тому же незаурядной актрисой, а время она сменила эстраду на театральные подмостки — играла Чехова, Шекспира. Казалось, с пением рассталась навсегда.

Но это только казалось. В 1979 году неожиданно выходит пластинка «Broken English» (возможный перевод «Англичане-неудачники»). По признанию рок-критики, это было самое успешное возвращение на эстраду за всю историю рока лет на двенадцать длиннее, но превзойти блистательное возвращение Мэриэнн в лоно музыки пока еще не удалось, кажется, никому.

Образ ее радикально меняется: жесткая, уставшая от жизни женщина-вамп, в чем-то родственная героиням романов Ремарка и называющая вещи своими именами не ради скандала в прессе, но в поисках правды жизни. На запись пла-

стинки «Англичане-неудачники» Мэриэнн Фэйсфул удалось пригласить таких крепких профессионалов, как скрипач Дэррил Уэй и гитарист-певец Стиви Уинвуд. Это был другой образ и другой голос: разве не иронично зеучала в эпоху расцвета бездумной диско-музыки песня Джона Леннона «Герой рабочего класса»? В голосе Фэйсфул была, однако, не только ирония, но и сарказм, достойный тогдашнего панк-рока и его предшественников — Нико и группы «Велвет андерграунд».

В 80-е годы певица продолжает развивать амплу «роковой женщины» и даже перевоплощается в образ самой Марлен Дитрих, в чем легко убеждает предлагаемая в этом номере запись. Песню «Бульвар разбитых ожиданий», как известно, пела и сама Дитрих. Считается, что это песня о Голливуде, о тех, кто приехал туда в надежде стать кинозвездой, но так и остался навсегда на бульваре Сансет — бульваре разбитых ожиданий. В исполнении Фэйсфул есть какая-то пронзительная нота, в которой больше обобщения, чем конкретной голливудской реальности.

Кто бы мог подумать двадцать лет назад, что к Мэриэнн Фэйсфул проявит интерес продюсер Хэл Виллнер, известный тем, что работает только с профессионалами высшего класса, а пластинки ее будут называть в числе лучших авторитетные журналы?! Не говоря уже о таком солидном явлении, как

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЭРИЭНН ФЭЙСФУЛ

ЗВЕЗДЫ РОКА

участие в голливудской музыкальной ленте, на премьере которой мне удалось побывать этим летом в Нью-Йорке.

Фильм «Тельма и Луиза» вообще так себе, но музыкальный ряд подобран со вкусом — во всяком случае, песня Шела Силверстейна «Баллада о Люси Джордан» в характерной версии британской суперзвезды в нем на месте. Что ж, разве можно спорить с тем, что профессионализм в музыке сегодня — это гораздо больше, чем простое сочетание ремесленных навыков и природных способностей? А что именно? Ответ, по моему, в самой музыке, в пении Мэриэнн Фэйсфул. ■

Дмитрий УХОВ

На одиннадцатой звуковой дорожке слушайте в исполнении М. Фэйсфул фрагменты песен «Пока льются слезы» (М. Джеггер, К. Ричардс), «Бульвар разбитых ожиданий» Г. Уоррен и «Баллада о Люси Джордан» (Ш. Силверстейн) из кинофильма «Тельма и Луиза».

ВЕСЕЛАЯ ПРЕМЬЕРА

— Вы, кажется, утверждали, что мою оперу освищут? — спросил как-то композитор у своего недоброжелателя.

— Кому же было свистеть, когда все зевали? — не растерялся тот.

ОПРОМЕТЧИВОСТЬ

— Подумать только, когда я играл на скрипке, сосед разбил камнем мое окно!

— Чудак. Теперь он слышит тебя еще лучше.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ЗАБОТА

— Это по поводу рояля, мсье, я настрощик.

— Но... мой рояль в порядке, я вас вовсе не вызывал.

— Вполне вероятно, мсье, но ваши соседи просили меня прийти.

ДЛЯ СОСЕДЕЙ

— Ты ведь не терпишь джазовую музыку? Зачем же ты ее записал?

— Я еще больше не терплю соседей.

МУЗЫКАНТЫ ЦУПТАТ

ПОДАРОК

Для того, чтобы занять чем-нибудь непоседливого соседского ребенка, один джентльмен купил ему в подарок барабан. С этих пор барабанный бой звучал в квартире утром, днем и ночью. Тогда измученный сосед купил юному чудовищу еще один подарок:

— Вот тебе, Бобби, перочинный ножичек. Не хочешь ли ты взглянуть, что помещается внутри барабана?

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ

— Папочка, купи мне барабан!

— Сынок, дай мне отдохнуть, у меня на работе достаточно шума и без барабана.

— Купи, папочка! Я буду на нем играть только тогда, когда ты будешь спать.

УГРОЗА

Учитель музыки говорит непослушному ученику:

— Предупреждаю, что, если не будешь вести себя как следует, я скажу твоим родителям, что у тебя есть талант.

11(332) ноябрь 1991 г.
Год издания 1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАТЕЛЬ
ГОСТЕЛЕРАДИО
1991 г.

На первой странице
обложки —
фото
Л. Лазарева

Пластинки
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и ГДРЗ.
Кассеты
тиражированы
СП «Интертал».

Сдано в набор
14.09.91 г.
Подп. к печ. 26.09.91.
Формат 84 x 108^{1/2}.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. л. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Тираж с пластинками
100 000 экз.
Тираж с кассетами
5 000 экз.
Зак. № 903
Цена 2 р. 30 к.
(с пластинками)

Типография
издательства
«Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
Телефон редакции:
241-67-67.

Главный редактор
Б. М. ХЕССИН.
Редакционная
коллегия:
Е. М. ВИНОКУРОВ,
М. А. ЗАХАРОВ,
С. П. КАПИЦА,
А. Г. ЛУЦКИЙ,
О. П. МЕЛЬНИКОВА,
Р. В. ПАУЛС,
Т. С. ПЛИСОВА,
Ю. М. ПОЛЯКОВ,
М. М. РОЩИН,
Н. В. ЩУЧКИН,
А. Я. ЭШПАЙ.
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

Сотрудники сложных по технологии журналов обычно жалуются на долгий производственный цикл. Мы в «Кругозоре» — тоже. XVII Международный кинофестиваль — летнее вспыхнувшее и сгоревшее московское сумасшествие — появляется у нас едва ли не в изморозь. С текстом, правда, была задержка — он дописывался после августовского путча, когда живое человеческое кольцо обвившееся вокруг «Белого дома» на Москверке, защитило нашу жизнь, свободу, бездну всего прочего и... кино.

Да, да, кино, ибо до нового ГУЛАГа и старых полок, где гнили бы в ярухах фильмы, оставался один шаг — газеты уже были задушены. Шаг этот москвичи сделать не дали. Легли костями, но не дали. В этом свете ретроспектива кинофестиваля выглядит нетрадиционно.

В печати фестиваль ругали за падение авторитета, отсутствие звезд (при пионерском лозунге «Салют актерам мира»), слабые фильмы и многое другое. Но Бог с ней, с критикой. Фестиваль отразил то, что он отразил. Был конкурс с «Пегим псом» и «Садом», были

в Сонгми (бегущая обожженная напалмом девочка). Стоун показал генезис музыки, которая заворачивала подобно гигантской раскочивающейся и звенящей кобре. Как могут иногда из мутного «коккейля» появиться сильнейшие строфы? Но Ахматова сказала однажды: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Ахматова процитирована не зря: Моррисон — огромный поэт-сюрреалист. «Дорз» — виртуозно сделанный фильм.

Итак, сплоченный отряд международного жюри отодвинул шедевр Стоуна с дороги, зато, естественно, была отмечена слабая канадская лента «Страховой агент», несправедливо приравненная к интересной китайской картине «Невесты». Был поделен надвое (неслыханная доселе новация) приз за лучшую мужскую роль между двумя югославскими актерами Надаревичем и Лолlichem (сам фильм «Бесшумный порох», правда, хорош). А вот Изабелла Юппер, получившая премию за лучшую женскую роль, сыграла, по-моему, в искусно сделанной, но довольно архаичной экранизации «Мадам Бовари».

Когда я спросил у режиссера Клода Шаброля, почему он не вос-

ВОСПОМИНАНИЕ О БУД

серии картин Рассела и Депардье, итальянский и французский просмотры. Жюри с Янковским и Мерсье? Насчет его решения блистательный Денис Горелов заметил: «Они там все рехнулись!» В самом деле, как можно было дать Гран-при «Пегому псу, бегущему краем моря» и оставить за бортом фильм Стоуна «Дорз»? Кстати, почему тот же «Пегий пес» — победитель — сразу не был показан на широком экране? Бегун, первым пересекший линию финиша, совершает круг почета. Музыкант-лауреат после состязания дает концерты. Тут, в «важнейшем для нас искусстве», молчок. Так вот, фильм «Дорз» («Двери») — о знаменитейшей рок-группе, об ее погибшем от наркотиков лидере — Джиме Моррисоне, о туманной его философии, замешенной на бессознательно впитанных образах идола и толпы (Гитлер), на скотче или водке, на привычке к ежедневной смене девчонок в постели и необузданном хамстве, которое он называл «гневом». «Когда я в гневе, — говорил он, — контроль почти немислим».

Он пел: «Смерть делает из нас ангелов и открывает нас». Утешительные строчки долетали до американских солдат во Вьетнаме, среди которых был и будущий режиссер картины «Дорз» Оливер Стоун. Пустив вторым планом документальные кадры трагедии

ЭХО КИНОФЕСТИВАЛЯ

На фото (сверху вниз):
флаги XVII Международного;
графика фестиваля (на первом
плане — афиша итальянского
фильма «Поздним вечером»);
кадры из конкурсных фильмов:
«Пегий пес, бегущий берегом
моря» (СССР), «Страховой
агент» (Канада), «Мадам
Бовари» (Франция);
режиссер Карен Геворкян
с Главным призом фестиваля.

УЩЕМ

На чашечку
Этюд из домино —
звуковая мозаика
XVII международного
кинофестиваля.

4

пользовался подарком Флобера киномастерам будущего, задавив песню слепого нищего в сцене смерти Эммы, то, перефразировав набившую оскомину фразу писателя «Эмма — это я», режиссер сказал: «Флобер — это не я». Очень жаль. Кстати, после конкурсного показа «Мадам Бовари» Юппер тут же улетела домой, и «физически» ее приз приняла Аньес Варда, привезшая в Москву очаровательный и трогательный фильм «Жако из Нанта» о своем муже, покойном Жаке Деми, создателя «Шербургских зонтиков» и «Девушек из Рошфора».

Эта игровая картина насыщена ценнейшими документальными кадрами. Она демонстрировалась, естественно, ене конкурсной программы, равно как и громадная пейзажно-этнографическая фреска Бернардо Бертолуччи «Раскаленное небо», в которой он предлоchl Дебру Уингер главной своей актрисе — гениальной Доминик Санда — и проиграл. Санда рассказывала мне: «Я умоляла его дать мне эту роль чуть не на коленях. Он ответил: «В Сахаре мне нужна американка «с корнями» из Новой Англии, ты не сыграешь». Новой Англии в песчаных бурях не получи-

своего отца в день его рождения, и зал поет ему поздравление. Она перед концертом собирает свою команду и произносит клятву отдать все силы, чтобы представление прошло бы как можно лучше (наши актеры, не хотите ли воспользоваться опытом Мадонны? Впрочем, клятву лучше за закрытым занавесом произносить именно рок-группам).

Вот эти стороны жизни Мадонны хорошо бы нам разглядеть сквозь наши византийско-пуританские очки. Да, скажут нам в ответ, но посмотрито, как беснуется публика! Старый спор... Аудитория, видите ли, рожки и пальцы, буквой V сложенные, выкидывает. Конечно, во всем мире эта публика разнолика. Но молодежь мира и в Америке, и у нас повернута лицом к правде. Она вскидывала руки и во время концертов Мадонны, и во время манифестаций против апартеида, и во время представления «Рок против танков» на Дворцовой площади в Питере. и — самое главное — на своем посту вокруг (я возвращаюсь к началу этих заметок) цитадели свободы — «Белого дома» на Москве-реке, с балкона которого летели к ней, к молодежи, призывы к стойкости. Она и

лось. Что ж, от добра Дебру не ищут.

На самой первой пресс-конференции все со стоном еосторга встретили обещание о привозе сенсационного документа «В постели с Мадонной» (режиссер Алек Кешишян). На фильм прорывались кто как мог, но после просмотра он был почти единодушно обруган. Ругали, естественно, Мадонну.

Я бы хотел вступиться за нее и сказать, что ее коммерческий секс-эпатаж гроша ломаного не стоил бы, если бы она не была выдающейся артисткой, танцовщицей и режиссером блестящего зрелища. А сверх того (и это видно!) добрым, открытым, компанейским (наше слово), пусть иногда вульгарным, но по-американски наивным человеком. Она выводит к публике

проявила ее. С бегла, с маху. Путч-то грянул неожиданно. Ориентировка нужна была мгновенная. И вряд ли кто вспомнил, что как раз на прошедшем кинофестивале, однажды утром, а именно 15 июля, в здании киноцентра на Красной Пресне (совпадение!) был показан фильм венгерского режиссера Миклоша Янчо «Бог пятится назад». Сюжет: будапештские интеллектуалы играют в конце своей перестройки после ее провала у нас, в СССР. При этом проигрывается возможность казни Михаила Сергеевича Горбачева...

Предупрежденьице о перевороте ровно за месяц и четыре дня! Ну как? Никудышный был фестиваль? То-то.

Артем ГАЛЬПЕРИН
Фото Алексея ЛИДОВА

На двенадцатом звуковой дорожке в исполнении Ф. Киркорова вы услышите песни «Такой-сяком» (О. Баралюк, Л. Дербенев) и «Небо и земля» (Д. Певев, Л. Дербенев).

Фото С. АНДРЕЕЩЕВА

ФИЛИПП КИРКОРОВ

«Прошу поместить в «Кругозоре» песню моего любимого певца Филиппа Киркорова «Небо и земля», ее невозможно достать в магазине «Мелодия».

А. Н. Тимофеева
г. Челябинск

Имя Филиппа Киркорова хорошо знакомо любителям эстрады. Его с удовольствием приглашают для участия в различных телевизионных программах, по радио часто «крутят» его песни, да и фирма «Мелодия» не оставила без внимания — выпустила уже две долгоиграющие пластинки. Много написано похвальных статей в различных газетах и журналах.

Кстати, самый первый отзыв опубликован в журнале «Кругозор» в 1987 году и принадлежит Алле Борисовне Пугачевой. В этой же год и мне довелось познакомиться с певцом. В то время в Москве находился известный болгарский композитор Найденов Андрейев. Договариваясь с ним о встрече, чтобы записать интервью для радиопередачи «8 песен в студии», я гостил у композитора и увидел первые Киркорова. Он помог мне сблизиться, так как прекрасно владел и русским, и болгарским языками.

Тогда я узнала, что Филипп — сын известного болгарского певца Бедрина Киркорова и что учится на третьем курсе музыкального училища имени Гнесиных. С той встречи у нас с ним завязалась дружба.

Сейчас Киркоров находится в зените популярности. Молодой, красивый, энергичный, с прекрасным голосом. Слушаешь его песни, и кажется, что все так легко и просто. Наблюдая за Филиппом с самого начала его творческой деятельности, я имею право сказать, что не так легко ему все давалось. Только благодаря невероятной работоспособности к нему пришел успех на эстраде.

Еще на первом курсе училища Филипп дебютировал в Московском Театре эстрады. Затем его пригласили участвовать в телевизионных программах: «Шире круг», «Споемте, друзья!», «Добро пожаловать!». Трудно было совмещать учебу с творческой деятельностью. Но он не отказывался ни от какой работы. Так, на последнем курсе училища он получил приглашение выступить в качестве солиста Ленинградского мюзик-холла. Подготовив программу, он с успехом гастролировал в знаменитом берлинском «Фридрихштадтпалласте», в Чехословакии и Монголии. Одновременно стал сотрудничать с группой «Теодор» и ее руководителем композитором Петре Теодоровичем.

Но вот окончено училище, и перед Филиппом встал вопрос выбора:

камерное или эстрадное исполнительство?

И, по-моему, он не ошибся, продолжив сотрудничество с группой «Теодор». Началась кинематографическая жизнь, а в перерывах между поездками по различным городам нашей страны — работа над репертуаром и запись новых песен.

Вскоре наступит перемена в его творческой жизни. Филипп Киркоров становится солистом Театра песни Аллы Пугачевой. Два года работы в театре певец называет «м. или университетами». Тогда же он принимает участие в ленинградском телевизионном конкурсе «Шлягер-90». Исполнив песни «Кармен» и «Небо и земля», Филипп в буквальном смысле слова плещет зрителей: получает самое большое число голосов и высшую награду — Гран-при.

«Небо и земля» — именно в этой песне певец нашел себя, почувствовал, что ему близок по духу романтический, лирический герой. А поэт Леонид Дербенев, автора слов этой песни, он считает своим единомышленником в творчестве.

Недавно Филипп Киркоров создал свой Театр песни. Помогают ему в работе благотворительный коммерческий центр «Аленький цветочек», канадская фирма «Юниверсал интерпрайзес» и ансамбль «Теодор». В его составе профессиональные музыканты и вокально-танцевальная группа, состоящая из озорных ребят и очаровательных девушек. Но звездой коллектива Филипп считает Элен Аннор Аджей, сыгравшую роль Кармен в его первом шлягере.

Хочу сказать о самой большой любви певца — маме — Виктории Киркоровой. Для Филиппа мама — все. Именно ей он в первую очередь показывает свои песни, прислушивается к ее мнению, разделяет с ней и радости, и неудачи. Да и первый его выход на сцену связан с мамой. Она выступала в роли конферансье, и за один день ей пришлось вести уже третий или четвертый праздничный концерт (было это 8 марта), а пятилетний Филипп тогда ездил с родителями. Увидев, как с трудом преодолевая усталость, она отправляется на сцену объявлять очередную песню Арно Бабаджаняна, он выскочил вслед за ней помочь и громко сказал: «Память». Зал взорвался аплодисментами.

Сейчас певец готовит сольную программу, премьера которой состоится в концертном зале «Россия». Записывает новые песни для своей третьей долгоиграющей пластинки, которую фирма «Мелодия» планирует выпустить в конце этого года.

А еще у него есть мечта — принять участие в Международном конкурсе «Золотой Орфей».

Елена БИРЮКОВА